

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 129, июнь 2025

СИЛЫ И ИДЕОЛОГИИ ДЛЯ КРИЗИСА ПОРЯДКА

Церковь должна знать, как обратиться к человечеству, дезориентированному «кризисом мирового порядка». Так Ватикан обобщает результаты *Всеобщей конгрегации* – преконклава, в ходе которого кардиналы дискутируют по вопросам, определяющим их выбор при избрании новых понтификов.

Полезно вспомнить другой момент кризиса порядка, произошедший более тридцати лет назад, когда распад СССР, воссоединение Германии и, наконец, первая война в Персидском заливе ознаменовали конец Ялтинского порядка. По своим последствиям это было сопоставимо с третьей мировой войной – в стратегическом плане и из-за обесценивания капитала СССР, но не по человеческим жертвам: около 500 тысяч погибших, порядка одной сотой от потерь второй мировой войны. Можно сказать, что это была «половина» второй мировой: в 1989–1991 годах был нарушен баланс сил в Европе, тогда как в 1939–1945 годах шли две войны – на Старом континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Войны, сопровождавшие распад Югославии в 1990-е годы, и сегодняшняя война на Украине – это отложенные последствия того стратегического перелома.

В 1991 году, столкнувшись с противоречивым движением итальянской «пограничной буржуазии» и преоблада-

нием «политической пассивности», католическая церковь вклинилась в этот политический вакуум, сместив центр тяжести внешней политики ближе к Ватикану. Вот как это было оценено Арриго Черветто в статье «Социальные противоречия и политическая пассивность»: «Государство Ватикан больше не является оплотом атлантизма, как в прежние времена. Его линии сопротивления и экспансии выражены:

1) в тьермондистской позиции, направленной на сохранение своего влияния в зонах растущего религиозного соперничества, особенно после потери ливанского форпоста;

2) в наступлении на Восточную Европу, чтобы заполучить сферу влияния в распавшейся советской империи;

3) в европеистской линии, которая опирается на вес католических партий и лидеров, а также на страхи по поводу ножиц между рождаемостью и иммиграцией.

Тот факт, что антисаддамовскую коалицию возглавляли протестантские администрации США и Великобритании, также сыграл свою роль в пацифистской кампании церкви.

Ватикан получил в Италии большее влияние, чем когда-либо в новейшей истории. Потерпев поражение во времена Рисорджименто, папство всегда использовало войны, чтобы отвоевать позиции. В 1917 году подобную попытку предпринял Бенедикт XV, выступив с призывом против «бесплодной бойни», однако она была сведена на нет при Капоретто. Церкви пришлось ждать до 1943 года, чтобы снова прямо и открыто вступить в политическую игру через католическую партию.

Новизна той пацифистской кампании заключалась в том, что Ватикану удалось «привлечь на свою сторону заблудшие отряды традиционной русской партии» – ИКП, и её так называемый «левый папизм» стал последней метаморфозой «понуриго и разномастного оппортунизма».

Эта история помогает задуматься, почему марксистская наука сосредоточила внимание не только и не столько на религии в целом, с точки зрения материалистической концепции, сколько конкретно на католической церкви – в плане её политических действий и стратегического видения.

Самый очевидный ответ заключается в том, что это крупнейшая политическая сила правящего класса и единственная, имеющая всемирное укоренение. Имея около 400 тысяч священников, 600 тысяч монахинь, 5 тысяч епископов, сенат из 250 кардиналов, представляющих 94 стран, и централизованное руководство в форме примата Петра и курии, католическая церковь не имеет анало-

гов среди других конфессий, не обладающих международным центром. Тем более – в сравнении с неустойчивыми межпартийными координациями вроде Социалистического или Христианско-демократического интернационала. Пусть католицизм неравномерно укоренён в различных регионах, ни одна другая организация не располагает миллионом функционеров и пятью тысячами высших руководителей. А главное – ни одна другая сила не способна выработать единое стратегическое видение в таком масштабе, в диалектике между наднациональным центром и множеством поместных церквей, в свою очередь связанных с политическими надстройками государств.

Не забывая о существенном различии между пролетарским интернационализмом и католическим интернационалом в их отношении к классам, можно говорить и о сходстве, над которыми стоит задуматься – в том, что касается действия организованных меньшинств на мировой арене и стратегии как концепции динамической связи между классами и государствами в долгие времена и во всемирном международном измерении.

Стратегический рубеж 1989–1991 годов имел специфические последствия для Италии. Как уже было видно по «левому папизму», блуждание русской партии, а чуть позже и крах всей парламентской партийной системы оставили католическую церковь единственной силой, обладающей политическим потенциалом и стратегическим видением. Марксистская школа не оставила богатого наследия на этот счёт. Теперь появилась необходимость изучить католическую организацию для политического сражения, в котором она выступала бы в качестве гаранта социального консерватизма, – но избежать при этом детской максималистской болезни антиклерикализма.

Сегодня, в новых условиях, отмеченных атлантическим упадком и восхождением Азии, возникает ещё одна специфическая задача. Она заключается в изучении многополярной церкви как силы и идеологического резерва унитарного империализма в условиях кризиса порядка и его войн.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, май 2025 г.

**Реакционный терроризм,
империалистический
европеизм, коммунистический
интернационализм**

272 стр., твердый переплёт,
примечания,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Содержание

СИЛЫ И ИДЕОЛОГИИ ДЛЯ КРИЗИСА ПОРЯДКА	стр. 1
Преимственность и перебалансировка в многополярном папстве	стр. 2
Предупреждающие выстрелы по доллару	стр. 3
Азия и Европа разворачивают оружие, капиталы и альянсы в войнах кризиса порядка	стр. 4-5
<i>Европейские хроники</i>	
Европейские танки и ракеты, французские и английские ядерные бомбы	стр. 6
Заинтересованные взгляды из Москвы на европейское ускорение	стр. 7
<i>Российская хроника</i>	
Война и классовая борьба	стр. 8
Слабеющая хватка Кремля в Средней Азии	стр. 9
Теоретические и политические сражения Арриго Черветто	стр. 10-11
“За революционную оппозицию левоцентристам”	стр. 12-13
Сточасовая война между Индией и Пакистаном	стр. 14
<i>Военная промышленность в США</i>	
Palantir и Anduril борются за контракты Пентагона	стр. 15
Испытания маленьких войн	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 16

Миграционные и демографические тенденции

“Border” и “fronteras” XXI века	стр. I
Иммиграция в США в XXI веке	стр. II
Неразрешённый итальянский кризис	стр. III
В Китае начинается зима	стр. IV

Преимственность и перебалансировка в многополярном папстве

Роберт Превост, обращаясь к дипломатическому корпусу уже в качестве папы Льва XIV, подчеркнул многомерность собственного опыта, «*сформировавшегося между Северной Америкой, Южной Америкой и Европой*». Международный характер проявился и в его руководстве Августинским орденом, настоятелем которого он был; то же самое можно сказать и о его должности в курии по назначению епископов, которую он занимает с 2023 года. Всё это сделало его фигурой организатором в Риме – в противовес тем течениям, которые сетовали на слабую связь между Хорхе Марио Бергольо и курией, – а также позволило Превосту установить отношения с епископатами по всему миру. В Германии он, по крайней мере, помог остановить коварный “протестантский” уклон, наметившийся в рамках синодальных реформ церкви в Германии. Вероятно, он также имел отношение к сложному досье по назначению епископов в Китае.

Предварительный вывод заключается в том, что избрание Превоста понтификом свидетельствует о *перебалансировке* отношений, сложившихся при Бергольо, но с сохранением *преимственности*.

Однако ещё один важнейший момент затронут в комментариях, которые связывают выбор конклава со стратегическим узлом *атлантического упадка* и, в частности, *упадка США*, – в связи с кризисом американской церкви. В этом контексте *перебалансировка* сопровождается куда более заметным *разрывом* *преимственности*, поскольку до сих пор папы из США никогда не было. Хотя некоторые расценили это как своего рода контратаку против консервативного крыла американского епископата, более вероятным выглядит компромиссный характер этого выбора, либо его ассоциация с компромиссом. Те силы в США и Европе, которые ощущали себя маргинализированными при папстве Бергольо, воспринимают происходящее как положительный сигнал к восстановлению *коллегальности*. Впрочем, необходимость *перебалансировки* признавали даже сторонники *просчитанного разрыва*, которые стремились перенести центр тяжести католической организации с её традиционной опоры в западном мире на модель *многополярной церкви*.

Массимо Фаджоли, преподаватель университета Вилланова в Филадельфии – того самого августинского центра, где учился Превост, – в газете *Avvenire* пишет, что конклав, по сути, вновь предложил августинианство в качестве теологической основы для осмысления и преодоления глобального политического кризиса. Святой Августин был мыслителем времён заката Римской империи; словно бы кардиналы сказали: «*Нам нужен новый Августин, который поможет понять, как рушится наш западный мир*».

По мнению Фаджоли, именно кризис, воплотившийся в «*хаосе* *трампа*», как это ни парадоксально, сделал возможным консенсус по поводу папы из США. Раньше считалось, что Соединённые Штаты, символ западного мира и сердце Атлантического альянса, не могут «*к тому же*» претендовать и на папский престол. Но с приходом Дональда Трампа все шаблоны были разрушены: «*теперь непонятно, куда идут Штаты*», непонятно, «*являются ли они союзником Европы*».

Фаджоли добавляет, что Превост, хорошо зная церковь США, сможет справиться с её кризисом. По его мнению,

раскол между консервативными и прогрессивными католиками превратился в своего рода «*жидкий раскол*», расползающуюся трещину, с которой очень трудно справиться. При этом фигуру Превоста могли бы принять «*все*» католики США. Фаджоли недавно опубликовал книгу «*От Бога до Трампа. Католический кризис и американская политика*», где предостерегает от опасности «*национализации американского католицизма*» – веры в то, что он может идти своим особым путём, «*своего рода Sonderweg, но не немецкий, а американский*». Также он критикует иллюзию, будто Европа «*могла бы обойтись без Церкви в США*», которая, по его мнению, незаменима «*из-за своего культурного, политического и финансового влияния*».

Здесь можно увидеть два аспекта американского папства. Первый – это политическое предложение Ватикана в контексте *атлантического упадка*. Этот вопрос мы уже рассматривали во времена папства Ратцингера и председательства Камилло Руини в Итальянской епископской конференции, но сегодня он обострился из-за потрясений, связанных с упадком США, и риска их отрыва от Европы. Другое измерение – кризис американской церкви. В книге «*От Бога до Трампа*» трампизм рассматривается как форма «*экстремизма на службе политического проекта*», а католицизм – как коммерческий бренд, использующийся в кампаниях, близких по стилю к протестантским практикам.

Папу Льва XIII обычно цитируют за его энциклику «*Regum Novarum*», охотно забывая, что она была направлена не столько против социализма, сколько против самой классовой борьбы посредством забастовок. Но папа Печчи, при всей своей условной открытости к веяниям времени, был также тем понтификом, который в 1899 году остановил *американизм* – прагматический уклон американских епископов, который сегодня назвали бы либеральным. В условиях нового кризиса роли, похоже, поменялись местами, и сегодня мы наблюдаем консервативный *американизм* с противоположным знаком. Но и тот, и другой *американизм* объединяет одно: специфика американских условий накладывает отпечаток на поместную церковь. Прежде это были условия оптимистичные, поощрявшие практический подход – условия развивающейся державы, которая рассматривала ограничения старой Европы как помеху. Сегодня это, напротив, пессимистические, реваншистские условия державы, которая чувствует свой упадок. Она обвиняет церковь в пренебрежении своими принципами под давлением духа времени – либерализма и его нравов, антизападной многополярности, атеистического Китая, навязывающего своих епископов, – что только способствует упадку. Дж. Д. Вэнс, недавно обратившийся в католицизм, получил поддержку Питера Тила, сторонника своего рода евангелического *high-tech* пробуждения в Силиконовой долине. Они упрекают Европу в том, что она не хочет присоединиться к американистской, антикитайской борьбе против упадка Запада.

Тем не менее можно предположить, что в Риме, как и среди американских епископов – включая консерваторов – образы Трампа, молящегося в Белом доме, с руками, сцеплёнными с пастором «*теологии процветания*» в окружении *телепроповедников* евангелических мегацерквей, не остались без внимания.

Риск деградации самого понятия Запада или подрыва единства между

европейским и американским Западом может объяснить, почему даже такие консервативные фигуры, как кардинал Тимоти Долан, архиепископ Нью-Йорка, присоединились к компромиссу или, по крайней мере, заявили о поддержке курса на *перебалансировку*.

То же самое можно сказать и о течениях, представителем которых является кардинал Руини – ключевая фигура в Итальянской епископальной конференции во время папств Кароля Войтылы и Йозефа Ратцингера. Массимо Франко в *Corriere della Sera* видит в назначении американца Превоста не только очевидное восстановление баланса, но и реабилитацию опыта курии, а также ответ на атаки со стороны трампистского мира.

Для церкви «*снятие табу, которое, казалось, не позволяло Соединённым Штатам – первой ядерной и капиталистической державе – выдвинуть своего понтифика, стало проявлением удивительной смелости и уверенности в себе*». Имя Льва XIV, вновь выбранное спустя более чем столетие, указывает на «*открытость миру и в то же время твёрдость принципов*». Это также «*обезоруживает тех, кто в последние годы считал, что может использовать ослабленную Церковь в своих интересах*».

Таким образом, существует связь между кризисом, который переживает церковь, и *атлантическим упадком*, особенно ярко проявляющемся в *кризисе порядка* и связанных с ним войнах. Вопрос о том, в какой степени церковь может предложить себя мировому правящему классу в роли олицетворения момента *единства* – в диалектике *единства и раскола*, – нуждается в подробном рассмотрении. Андреа Риккарди писал, что война является «*почти невозможным условием*» для «*католического интернационала*», или, в другой формулировке, – что это «*крайне проблематичное условие*».

Дело в том, что католическая концепция – это не концепция Карла Каутского, или не только его; в ней нет веры в то, что «*империалистические*» союзы или «*ультраимпериализм*» могут позволить избежать *раскола*. Его можно сдерживать, но нельзя избежать.

Мы обращались к этому вопросу двадцать лет назад, когда рассматривали «*карты Ватикана в новой стратегической фазе*». Преимущество Ватикана по сравнению с реформизмом заключается в том, что он может одновременно понять как саму современность, так и её кризисные факторы: «*В этом смысле у религиозной идеологии больше стрел в колычане, чем у реформизма. Она может следовать той же социальной практике, но ей не нужно выступать с апологией прогресса или абсолютизировать возможность примирения капиталистических противоречий. В католическом видении в конечном счёте есть место для политических катастроф, кризисов, войн и непримиримости конфликтов, на которых базируется государство, потому что всё откладывается до Высшего Примирения, которое не от мира сего*». Сегодня можно добавить: августиновский *Град Божий* нельзя отождествлять с *земным городом*. «*В этом смысле идеология смирения идёт в ногу со временем. Её конечной задачей, как показало последнее столетие, становится разве что сопровождение разворачивающихся кризисов и войн, дозирование скорбно-сострадания, проповедь смирения, но также и поддержка порядка и мобилизации, направленных на сохранение сплочённости общества*».

Книга Риккарди «*Война молчания*» (2022) исследует с помощью новых архивных документов спорный вопрос «*молчания*» Пия XII о нацизме и Холокосте, но по сути стремится к более широкому обобщению о *Ватикане и войне*. В книге реконструируется, как группа, сформировавшаяся вокруг Пачелли, на основе опыта первой мировой войны выработала стратегию, отвечавшую изменившимся условиям второй мировой. Было решено предоставить местным церквям свободу в том, как им взаимодействовать со своими коллаборационистскими правительствами, и не ставить немецких католиков перед противоречием двойного послушания – церкви и государству.

Общий элемент в стратегии обеих войн, как нам кажется, заключается в следующем: позволить себе быть разделёнными становится условием, необходимым, чтобы представлять единство. Во второй мировой войне это означало, конечно, сохранение самого существования церкви. Но в более широком смысле речь шла о том, чтобы предложить себя правящему классу на всех этапах диалектики единства и раскола, потому что только так можно было сохранить возможность «*встроиться*» в послевоенное переустройство.

Было бы упрощением видеть в этом только двуличие и лицемерие. Мы склонны полагать, что в их концепции – в их *действительно ложном сознании* – речь идёт о реализме по отношению к человеческому состоянию: способности различать *меньшее зло*, понимать необходимость для поместных церквей *нести свой крест*, осознании того, что братья всегда убивали друг друга, как Каин убил Авеля, и так далее. И наше «*помешать войне посредством коммунистической революции*» в их глазах является антропологической ошибкой – вера в то, что человек сам может стать творцом своего спасения, с их точки зрения является искушением от лукавого.

Остаётся открытым последний вопрос. Мы видим два возможных варианта развития событий по мере того, как будет разворачиваться *кризис порядка*: серия региональных кризисов и войн или конфликт между великими державами. Историки, возможно, вспомнят 1989–1991 годы – с последствиями, сопоставимыми с *половиной мировой войны* на европейской шахматной доске – как начало *фрагментированной мировой войны*, о которой говорил Бергольо; в конце концов, именно с тех пор вхождение Азии и Китая начало создавать напряжённость на *другой половине* стратегического противостояния, на азиатской шахматной доске.

Августин написал «*Град Божий*» на закате существования империи, после того как Рим был разграблен вестготами Алариха в 410 году; тогдашние «*вэнсы*» от язычества возложили вину за катастрофу на христианство и отказ от старых богов. Эта *политическая теология* также является *теологией упадка*. Сегодня Лев XIV – папа многополярного мира – есть в каком-то смысле новый Августин, американский понтифик, потому что Америка больше не является сверхдержавой, гарантирующей глобальный порядок. Так ли остро в Ватикане воспринимают упадок США и его последствия – включая военные – в *кризисе порядка*? И не поэтому ли обращаются к архивным документам о Ватикане и войне?

Предупреждающие выстрелы по доллару

«Недавние события представляют собой переломный момент», – заявил Марио Драги 14 мая на симпозиуме в Коимбре (Португалия). Односторонние действия, с помощью которых Дональд Трамп развязал тарифную войну против остального мира, «подорвали многосторонний порядок таким образом, что это трудно повернуть вспять».

Эти резкие суждения, прозвучавшие после 90-дневной приостановки самых разрушительных тарифов и после заключения Вашингтоном соглашений с Лондоном и Пекином, свидетельствуют о том, что временное перемирие, объявленное Трампом, не уменьшает тревогу в Старом Свете.

Хаос и необходимость

Европа, говорит Драги, подвержена влиянию Соединённых Штатов как напрямую (на США приходится более 1/5 её экспорта), так и косвенно, поскольку спад спроса в Америке, нанося удар по торговым партнёрам Европы, в итоге отражается и на ней самой. По данным ЕЦБ, косвенные последствия для еврозоны перевешивают прямые. «И даже если торговая напряжённость снизится, неопределённость, скорее всего, сохранится и станет препятствием для инвестиций в производственный сектор ЕС».

Драги, сначала как глава монетарной власти, а затем как автор Доклада о конкурентоспособности, взял на себя роль представителя общих интересов европейского империализма. Обеспокоенный тем, что «с 2020 года мы потеряли нашу модель роста, нашу энергетическую модель и нашу оборонную модель», он видит в трампиистском хаосе новую возможность для Европы. Драги говорит, что «впервые, возможно, за тридцать лет» вновь проявляются три фактора, «обычно сопровождающие [...] значительные скачки в углублении интеграции»: «неустойчивость прежней системы»; «крупный геополитический шок»; «наличие плана действий».

«Мы наблюдаем крупные институциональные переломы. Политический шок в Соединённых Штатах огромен. И он сопровождается полной сменой курса в таких странах, как Германия, и новой решимостью Еврокомиссии бороться с барьерами и бюрократией». По мнению Драги, недостающее звено, способное преодолеть ограничения, вызванные фрагментированностью европейского рынка капитала, – это создание общего европейского долга.

Налог в форме тарифа

Начался сезон предупредительных выстрелов. После объявления Трампом о супер-тарифах тут же сработала сигнализация: отреагировали фондовые рынки, казначейские облигации и курс доллара – все упали синхронно. Трамп приостановил своё наступление, но не свернул его окончательно. Бывший главный экономист Банка Англии Энди Холдейн увидел в паузе силу глобализации, которая заставляет протекционистов «капитулировать быстрее, чем в прошлом: тарифы Смута – Хоули длились четыре года, тарифы Никсона – четыре месяца, худшие из тарифов Трампа – едва ли неделю». Блестящее наблюдение, но универсальный тариф в 10 %, по-видимому, закреплённый в

достигнутых соглашениях, уже в несколько раз превышает действующие ставки – его оспаривает ЕС, предлагая беспошлинную торговлю между берегами Атлантики. Новое предупреждение исходит от главы JPMorgan Джейми Даймона, сторонника тарифного перемирия, который не исключает нового краха фондового рынка, напоминая, что даже сниженный уровень пошлин Трампа «довольно экстремален».

Ещё один предупредительный выстрел прозвучал от Moody's, которое понизило рейтинг казначейских облигаций США на одну ступень. Два других рейтинговых агентства уже сняли рейтинг «AAA» с США: Standard & Poor's в 2011 году, а Fitch в 2023-м. По данным *Washington Post*, Moody's таким образом выразило своё несогласие с проектом федерального бюджета, который готовилась утвердить Палата представителей: он предполагает рост дефицита с 6,4 % от ВВП в 2024 году до 9 % в 2035-м и увеличение чистого федерального долга с 98 до 125 % от ВВП. Трамповский популизм строится на ложной связи между торговым дефицитом, бюджетным дефицитом и тарифами: предполагается, что тарифы одновременно выровняют двусторонние торговые балансы и помогут финансировать федеральный дефицит, позволяя при этом провести масштабное снижение налогов. Популистская сказка гласит, что тарифы на иностранные товары заменят налоги для американцев. Но тариф – это налог, включённый в цену импортных товаров, который будет платить американский потребитель.

Пекин, Лондон и долг США

Предположение о том, что торговое противостояние может перерасти в валютное, впервые появилось в кругах администрации Трампа. Широко обсуждалась гипотеза Стивена Мирана, ныне главного экономического советника президента, о некоем «соглашении Мар-а-Лаго»: оно должно было повторить сценарий соглашения «Плаза» 1985 года (обесценивание доллара и укрепление других валют), но привести к масштабной реструктуризации американского долга – за счёт партнёров.

Падение рынка облигаций США в начале торговой войны подняло вопрос о том, могут ли один или несколько иностранных кредиторов начать распродажу своих американских ценных бумаг. По словам *Le Monde*, министр финансов Японии Кацунобу Като упомянул «карту, которая существует, но решение использовать её – это другое дело», что было истолковано как явный намёк на объём американского долга, находящегося в руках Токио. Два дня спустя министр это опроверг. Китай, напротив, похоже, больше беспокоится по поводу того, что Вашингтон может использовать свой долг в ущерб иностранным держателям. Сочетание торговой войны и фискального кризиса может быть губительным.

Юй Юндин, бывший член комитета по денежно-кредитной политике Народного банка Китая, сказал *Financial Times*, что он считает план Мирана потенциальным дефолтом США: это «огромная угроза для Китая, и мы можем в конечном итоге заплатить высокую

цену». Пекин давно начал медленную диверсификацию своих резервов. В мае Казначейство США сообщило, что в конце марта Китай опустился со второго на третье место по объёму казначейских облигаций. Это интересно по сравнению с траекторией Великобритании, которая в то же время поднялась на второе место с 779 млрд долларов казначейских облигаций. Подъём Британии в рейтинге держателей казначейских облигаций США начался с Брексита: с 2018 года по сегодняшний день Лондон утроил их объём. В тот же период Китай тихо продал 400 млрд долларов своих казначейских облигаций, оставив Токио в 2019 году звание первого держателя. Это был период антикитайской протекционистской кампании первого срока Трампа. С началом войны на Украине Китай стал свидетелем того, с какой скоростью страны НАТО могут заморозить активы – как это случилось с российскими.

Относительное дистанцирование Пекина было компенсировано британскими покупками американских облигаций на сумму более 500 млрд долларов. Это аргумент, который премьер-министр Великобритании Стармер будет использовать в тарифных переговорах с Вашингтоном. После выхода из ЕС Лондон стремился к созданию атлантической зоны свободной торговли. Возможно, он получит тактическое преимущество от стратегического фиаско Брексита.

Срок жизни доллара

Ускоренное падение репутации Вашингтона порождает вопросы о перспективах доллара как мировой валюты. Этой проблеме посвящены две книги: «*King Dollar*» Пола Бластейна, бывшего журналиста *Wall Street Journal* и *Washington Post*, и «*Our Dollar, Your Problem*» Кеннета Рогоффа, бывшего главного экономиста МВФ и профессора Гарвардского университета. Название книги Рогоффа «Доллар – наш, проблема – ваша», – это знаменитая фраза министра финансов при администрации Никсона Джона Конналли, которая стала символом одностороннего подхода США к монетарной политике.

Оба автора анализируют противоречия американской валюты и экономики, но не видят признаков неминуемого риска: по их мнению, доллар всё ещё прочно держится в седле. Бластейн считает спекуляции на теме срока жизни доллара как мировой валюты бессмысленными. Рогофф в статье, написанной для *The Economist*, оценивает, что доллар останется доминирующей валютой по крайней мере ещё на два десятилетия, в то время как во введении к своей книге он писал, что его траектория может быть «близка к середине своего пути», а это означает ещё 80 лет доминирования. И это несмотря на то, что сам Рогофф считает: трампиистская система подрывает все институциональные столпы, которые поддерживают доллар, и что это будет иметь последствия в виде большого взрыва инфляции и масштабной финансовой репрессии.

Совершенно иную картину трампиистского сезона рисует французский экономист Патрик Артюс, бывший руководитель исследований Natixis: он

считает риск потери долларом своего статуса доминирующей валюты не только реальным, но и неизбежным; это станет очевидно при смене руководства ФРС – после ухода Джерома Пауэлла. ФРС, ориентированная на указания Белого дома, обесценит доллар, заставив его потерять свою роль доминирующей валюты.

Монетарная система не обрушится только из-за одностороннего решения центрального банка. Радикальное обесценивание доллара также означало бы обесценивание всех активов, номинированных в долларах. Реакция капитала может быть такой, что ответ на «День освобождения» 2 апреля покажется беззаботным праздником. Возможно, Артюс сознательно примеряет на себя роль Кассандры – предсказывает катастрофу, чтобы предотвратить её.

Двадцать бурных лет

Однако и Бластейн, и Рогофф не верят, что жизнь доллара будет лёгкой. В интервью Мартину Вулфу из *Financial Times* Рогофф признаёт, что следующие два десятилетия жизни доллара будут «бурными двадцатью годами», но не даёт ответа на вопрос, можно ли ожидать «большого, возможно, худшего, потрясения». Бластейн видит проблемы и непредвиденные обстоятельства, возникающие прежде всего из-за ошибок правительства и из-за новшеств и сложности платёжных систем. Рогофф прогнозирует эрозию американской валюты, которая постепенно потеряет долю влияния в легальной экономике в пользу евро и юаня, а также долю в теневой экономике, которая составляет 20 % мирового ВВП, в пользу криптовалют.

По мнению Рогоффа, самые большие проблемы возникнут внутри Штатов, «из-за неустойчивой траектории долга» и из-за искушений обеих американских партий вмешаться в полномочия центрального банка. Рогофф рассматривает юань как возможного конкурента доллара и считает, что он достиг пика своего доминирования, когда в 2015 году Китай внедрил более гибкие правила для своей валюты, что привело к изменению всех обменных курсов в азиатском регионе.

В отличие от европейских экономистов, в целом критически относящихся к «непомерной привилегии», которую США получают от роли своей национальной валюты на мировом рынке, оба американских автора считают естественным, что страна, выпускающая универсальную валюту, использует её в своих интересах. Бластейн считает, что даже в многополярной монетарной системе ФРС всё равно будет нести окончательную ответственность за монетарную политику. Драмы европейского экономиста и ЕЦБ по поводу перехода к многовалютной системе и фатальные риски «гегемонистского междуцарствия» Чарльза Киндлбергера не трогают Бластейна. Единственная цитата историка финансовых кризисов, которую он приводит с сарказмом, – это прогноз, сделанный в своё время в ответ на посткризисный шок: «Доллар закончился как международная валюта».

Азия и Европа разворачивают оружие, капи

В условиях кризиса порядка экономическое и военное измерения противостояния переплетаются. Торговая война, которую США то объявляют, то приостанавливают, то снова грозят начать – причём по всем направлениям, – заставляет другие державы ускориться как с развитием торговых отношений, так и с перевооружением. В ответ на односторонний поворот, навязанный Белым домом, активизируются старые переговоры, множатся новые соглашения в области торговли и безопасности.

В конце концов, настоящая «ахиллеса пята» Соединённых Штатов заключается в многополярной динамике. Теоретически, первая держава может вести искусную политику баланса, пытаться обуздать и использовать многополярность, продлевая своё относительное господство за счёт противоречий между конкурентами. Однако сможет ли нынешняя администрация, обладая меньшей компетентностью, добиться успеха там, где другие – более предсказуемые – потерпели неудачу, остаётся под вопросом, хотя и не исключено. В любом случае, в параллелограмме сил и слабостей будет действовать закон непреднамеренных результатов.

В плане соотношения сил война по-прежнему является звеном в цепи частичных конфликтов, сопровождающих кризис порядка. Именно в межимпериалистических отношениях, трансформированных восхождением Китая, кроется нить, связывающая торговые споры между великими державами с войнами на Украине и в Газе, а также с перевооружением Европы и Азии. К этому добавилась военная демонстрация силы между Индией и Пакистаном, которая обнажила старую, но ещё активную линию разлома, а также показала новое китайское влияние: истребители Chengdu J-10, поставляемые Пекином Исламабаду, прошли боевое крещение. Китай способен обеспечить Пакистану превосходство в воздухе по конкурентоспособной цене и тем самым косвенно бросить вызов обороне Индии. В ближнем небе над Кашмиром также проявляется китайский фактор.

Комментарий Уолтера Рассела Мида в *Wall Street Journal* позволяет выйти за рамки исключительно двустороннего измерения конфликта. Ни США, ни Китай в настоящее время не хотят, чтобы их соперничество спровоцировало локальные войны; однако это повышает готовность других держав к риску, что увеличивает вероятность эскалации кризисов там, где сталкиваются их интересы. Региональные игроки будут рассчитывать как на сам факт китайско-американского соперничества, так и на нежелание обеих сверхдержав быть втянутыми в конфликт – и попытаются воспользоваться этой ситуацией. Это создаёт пространство для серии рискованных попыток или провокационных инцидентов, направленных на усиление напряжённости, но не приводящих к полноценному вмешательству двух главных соперников. Подобные дилеммы будут постоянно сопровождать войны кризиса порядка.

Последствия двойного процесса – восхождения Китая и упадка США – указывают на многообразие вариантов, доступных державам в условиях меняющегося многополярного баланса. Одна из статей Арриго Черветто 1982 года содержит обобщение по вопросу динамики альянсов, имеющее значение как следствие закона *неравномерного империалистического развития*, поскольку связывает восхождение новой державы в системе государств с широким

спектром возможных реакций на это со стороны других империалистических центров – не сводящихся лишь к прямому противодействию новому претенденту, но и не исключающих его. В статье рассматривается политическое утверждение Японии в 1980-е годы. Черветто отмечает, что в принципе никто не заинтересован в появлении нового претендента, но на практике каждая империалистическая держава «в своём стремлении к образованию альянсов, ослаблению альянсов, использованию альянсов или в стремлении остаться в стороне от всяческих альянсов заинтересована разыгрывать максимально возможное количество карт»¹. Все державы никогда не смогли бы договориться между собой, чтобы предотвратить восхождение Японии, учитывая все их разногласия. Каждый соперник неизбежно попытается использовать в своих тактических целях укрепление Токио во всеобщем балансе.

Только взаимосвязь между динамикой одной державы и динамикой всей системы государств может объяснить парадокс, при котором одно государство может использовать в своих интересах усиление конкурента, которое, взятое само по себе, наносит ему ущерб.

На протяжении последних лет мы постепенно углубляли понимание этих закономерностей применительно к подъёму Китая, а в процессе анализа добавляли и новые наблюдения: сама восходящая держава может использовать собственный импульс для «установления», «ослабления», «использования» или «избегания» альянсов; реальный ход противостояния может предусматривать одновременную реализацию разных вариантов; наконец, количество этих вариантов умножается, если восходящая держава имеет континентальный масштаб, и её движение влияет как на глобальный баланс, так и на все региональные равновесия.

Сегодня подобное наблюдение можно распространить и на американский упадок. Держава, теряющая позиции, также может использовать свою относительную динамику в самых разных ситуациях: для того, чтобы избавиться от обязательств, пересмотреть условия альянсов или предпринять односторонние действия в обход союзов. И наоборот, другие державы могут использовать этот упадок для пересмотра своих собственных отношений. Именно это мы и наблюдаем.

Наиболее ярким тому примером служит Индия, открыто разрабатывающая собственный *многовекторный подход*. Согласно доктрине Джайшанкара, нынешнего министра иностранных дел, Дели должен «задействовать США, управлять ситуацией с Китаем, развивать отношения с ЕС, успокаивать Россию, вовлечь Японию в игру». Мы заметили, что этот синтез намеренно оставляет открытым вопрос о том, как «управлять» китайским соперником – настолько противоречивой является идея просчитанного открытия. Но, в то же самое время, разгадка кроется в других внешних связях: целью *многовекторного подхода* и является обусловить китайское восхождение, используя отношения с США, Европой, Россией и Японией.

По мнению Прашанта Джа, корреспондента *Hindustan Times* из Вашингтона, Индии пришлось принять решение продолжить курс на стратегическое сближение с Соединёнными Штатами, начатое двадцать лет назад с заключением ядерного соглашения, – даже зная, что на втором сроке Трампа ей придётся

«скорее отдавать, чем брать». В индийской столице, по сообщениям, ведутся «серьёзные дебаты» о том, является ли такой подход признаком слабости и преждевременной капитуляции или демонстрирует реализм и дальновидность. Газета, принадлежащая семье Бирла, считает, что Нарендра Моди на верном пути.

Следующий шаг был сделан в сторону Пекина: как утверждается, Моди дал своё благословение на частичную нормализацию отношений, принимая во внимание давление со стороны индийских деловых лобби, возмущённых агрессивным проникновением Китая на внутренний рынок. В любом случае, только намекнув на возможность частичного открытия в отношении Дракона, Дели тут же принялся ускорять торговые переговоры с Брюсселем, неожиданно завершил их с Лондоном и начал диалог с Вашингтоном. Индия воспользовалась изменением в балансе сил, выявленным торговой войной, чтобы «стабилизировать» отношения с Драконом, но «избежать» в то же время слишком удушающего «танго»; «эксплуатировать» отношения с Лондоном и Брюсселем и «ослабить» связь с Вашингтоном, рассчитывая тем самым сохранить её. Моди будет сохранять «максимальную гибкость» по отношению к Трампу, сопровождая её параллельными шагами в других направлениях. Однако, если указывать только на тактическое маневрирование по отношению к Белому дому, в тени останется истинный смысл *многовекторности* в долгосрочной перспективе, где китайское восхождение используется для «укрепления» альянса с Вашингтоном и «ослабления» связей с Москвой, эксплуатируя при этом отношения как с Европой, так и с Японией. К этому можно добавить, что Дели вновь сталкивается с отравленными плодами Раздела 1947 года – в виде конфликта с Пакистаном, – но теперь на фоне тектонических сдвигов, вызванных Китаем.

Индонезия также проводит политику *многовекторности*, что позволяет разнообразить – теперь и за счёт «средней державы» – наблюдения за игрой баланса сил, чтобы исследовать многополярный курс противостояния. Индонезийская пресса вспоминает 70-ю годовщину Конференции неприсоединившихся стран в Бандунге с характерным замечанием: торжества были достаточно блеклыми. По мнению *Jakarta Post*, годовщина должна была стать возможностью выступить с «обновлённым призывом к афро-азиатскому единству» перед лицом шторма американских тарифов. Однако первым инициативу перехватил Пекин, который представил себя защитником многостороннего подхода.

Это замечание едва прикрывает глубокие перемены, произошедшие в рядах «неприсоединившихся»: за 70 лет из этих молодых капитализмов вышли новые афро-азиатские державы, прежде всего Китай и Индия. Возвышение двух империалистических гигантов из отсталых районов коренным образом изменило отношения между участниками конференции в Бандунге, причём настолько, что сегодня само «неприсоединение» постепенно приобретает явный смысл дистанцирования от Китая и, потенциально, также от Индии. На практике, чтобы претендовать на наследие Бандунга, Индонезии сегодня пришлось бы применить этот принцип к «неприсоединившимся» прошлых лет: переход от политики неприсоединения к *многовекторности* – как и в случае

с Индией – имеет такое глубинное содержание, как восхождение новых империалистических держав в рамках старых отношений.

В 1950-х годах мы рассматривали движение неприсоединившихся как потенциальный «третий блок» – оспаривая преобладавшую тогда биполярную схему раздела мира между США и СССР. В Бандунге Китай дистанцировался от Москвы; неравномерное развитие Азии породило молодые капитализмы – наряду с побеждённой, но возрождающейся Японией, которая присутствовала на конференции в качестве наблюдателя.

Однако гипотеза китайско-индийского блока оказалась ошибочной. Между двумя гигантами преобладали не общие интересы в капиталистическом развитии, а экономические и военные противоречия, которые умело использовались тогдашними сверхдержавами. Бандунг отразил возможность ускорения азиатского развития без вмешательства держав; его непоследовательность проявится в китайско-индийской и индо-пакистанской войнах. Лишь позднее, – резюмировал Черветто в 1980 году, – восхождение Японии открывает пространство для Китая и Индии, что компенсирует первоначальную переоценку их сил.

Спустя десятилетия империалистическое развитие наполнило старый «блок» 1955 года новым содержанием, и сегодня именно Китай превратил его в инструмент влияния, сохранив азиатскую марку и старые «антиколониальные» претензии к западным соперникам. При Чжоу Эньлае Пекин присвоил себе «авторские права» на бандунгские «принципы», которые включали защиту суверенитета и территориальной целостности и невмешательство во внутренние дела. Таким образом, «антиимпериалистическая» риторика Бандунга сегодня служит картой китайского империализма.

Пекин на собственном опыте знает, насколько иллюзорной является политика «неприсоединения» для средних держав и как она неизбежно оканчивается «многовекторностью», подтвержденной тысяче влияний. У Дракона за плечами долгий путь национального становления, роста молодого капитализма и восхождения в качестве новой державы: превратившись в империализм, он может экспортировать эту традицию и бросить вызов старым державам за идеологическое доминирование на афро-азиатских рынках.

Та же империалистическая метаморфоза происходит и с БРИКС, чьи участники претендуют на роль носителей «духа Бандунга», направленного против старого послевоенного порядка. Содной стороны, противоречия и конкуренция между Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР подрывают их претензии на роль нового «блока». С другой – вступление новых членов является как признаком растущего влияния группы, так и почвой для разногласий между самими странами-основателями, особенно когда расширение может ослабить влияние Китая. Достаточно вспомнить о потенциальном вступлении Индонезии, которое изнутри продвигает Индия, а извне – Япония. Доклад московского мозгового центра «Валдай» под редакцией Олега Барабанова, замдиректора по научной работе Евразийского учебного института МГИМО, проливает свет на особый интерес России, хотя и с особым акцентом на горнодобывающем секторе.

Семьдесят лет развития дифференцировали афро-азиатских участников:

ТАЛЫ И АЛЬЯНСЫ В ВОЙНАХ КРИЗИСА ПОРЯДКА

«Возросло стратегическое и геоэкономическое значение Азии. Китай и Индия стали мировыми державами, выросла экономика Индонезии. Всё это укрепило позиции Азии и способствует её экономической экспансии в мире и сотрудничеству со странами Африки». Сегодня Индонезия – горнодобывающая держава, привлекающая китайские инвестиции, но также сотрудничающая с Японией, проводящая военные учения с Россией, стремящаяся к членству в БРИКС и ОЭСР, а также проявляющая интерес к Индии.

Авторы не акцентируют внимание на том, насколько *многовекторность* Индонезии опирается на исторические связи с Токио, чья инвестиционная мощь в Азии по-прежнему остаётся критически важной. Вместо этого подчёркивается, что именно Индонезия стала главным получателем инвестиций Шёлкового пути. Токио и Пекин борются за влияние на АСЕАН, но при этом могут сблизиться в вопросе выработки региональных ответных мер на американские тарифы, что неофициально обсуждается на азиатских форумах.

По мнению экспертов “Валдая”, Индонезия воплощает наследие Бандунга в АСЕАН, но сегодня эти принципы должны включать и элемент *неприсоединения* по отношению к Китаю: «Как страны Движения неприсоединения, ставшие членами БРИКС, могут укрепить свою позицию в контексте усилий по сокращению разрыва между Севером и Югом? Особенно важна ситуация в стратегической области, связанная с картелизацией добычи редкоземельных элементов [...]. [...] их производством занимается не так много стран, в частности Китай. Странам Движения неприсоединения кооперация с БРИКС предоставляет возможность построения альтернативных цепочек поставок. Таким образом, они могут бросить вызов монополистам, сохранив при этом верность основным принципам неприсоединения». Получается, индонезийская “средняя держава” становится объектом сразу нескольких расчётов: присоединяясь к БРИКС, она становится ближе к Китаю; в то же время Россия, Индия и Япония видят в ней потенциальный противовес чрезмерному влиянию Пекина.

В Пекине сейчас оценивают, насколько активное применение *стратегии выжидания* может обернуться выгодой благодаря саморазрушительным колебаниям Вашингтона. Однако Чжан Вэйвэй – старейшина школы исключительности из Фуданьского университета в Шанхае – предостерегает от недооценки «деструктивности американского упадка»: Трамп боится столкновения с Китаем, но готов рискнуть, чтобы достичь соглашения. По мнению Чжэн Юнъяня из либеральной школы в Шэньчжэне, американский истеблишмент расколот, но есть в нём и те, кто говорит о необходимости противостоять Китаю, пока тот не стал сильнее. Пекин отреагировал на тарифную атаку с твёрдостью. Традиционно внимательная к политическим и даже психологическим аспектам переговоров, китайская дипломатия сформировала впечатление, что Вашингтон нервничает, испытывает внутреннее давление и стремится к переговорам, чтобы выйти из тупика. Тем не менее, как сообщают японские источники, и сам Пекин оказался под рыночным давлением, согласившись на диалог под угрозой сниженных тарифов и без обещания их отмены, а также столкнувшись с антикитайскими пунктами в соглашениях, которые США навязывают другим державам. В то же

время Пекин открыл ряд дипломатических каналов, предложив Токио и Сеулу скоординировать ответные действия в Азии, усилил диалог с ЕС по вопросу о пошлинах на электромобили добился продвижения в двустороннем снятии санкций Европарламента, заблокировавшего китайско-европейское инвестиционное соглашение CAI.

Первые реакции держав на “войну пошлин” нельзя считать точным отражением всего спектра их возможностей балансирования в условиях упадка США и восхождения Китая, но они демонстрируют некоторые возможные направления. Европа не стала спешить с ответными протекционистскими мерами, рассматривая, возможно, перспективу заключения среднесрочного трансатлантического соглашения. Это даёт время на то, чтобы внутренняя реакция США и отношения атлантической многовекторности в Азии и Латинской Америке стали весомыми факторами в переговорах с Вашингтоном. Япония также взяла паузу, обратившись сначала к Китаю и Южной Корее, а затем к Юго-Восточной Азии посредством визитов бывшего премьера Фумио Кисиды в Индонезию и Малайзию, а его преемника Сигеру Ишибы – во Вьетнам и на Филиппины. От внимания *Le Monde* не ускользнул намёк министра финансов Кацунобу Като на то, что казначейские облигации США, находящиеся в распоряжении Токио, являются «картой на столе переговоров» с Вашингтоном. Это шаг *монетарного сдерживания*, обозначающий красную черту Японии, и в то же время проявление её слабости как островной державы, не имеющей преимуществ единого европейского или континентального китайского рынков и зависящей в своём выживании от мировой торговли.

Китай представил сбалансированный ответ Вашингтону, представив себя в качестве крупного рынка и флага свободной торговли в Европе и Азии, крупного инвестора в Латинской Америке и незаменимого партнёра России. По мнению ректора Пекинской школы международных исследований Цзинь Цаньжуна, Си Цзиньпин использовал центральную конференцию по дипломатии с соседними странами 8 апреля для того, чтобы задать рамки для визитов во Вьетнам, Малайзию и Камбоджу. «Тупик» в отношениях между США и Китаем повлияет на отношения с Европой, Японией и Индией, что приведёт к «общему застою» в отношениях с крупными державами или, по крайней мере, к крайне ограниченному прогрессу. Поэтому инициатива в отношении азиатских соседей будет необходима.

Пекин развивает региональные отношения, опираясь на принцип «двойного обращения», то есть предлагая китайский рынок для азиатских товаров в обмен на экспорт капитала в соседние страны. На этом экономическом базисе впоследствии основывается надстройка политических и военных соглашений.

В политической интерпретации Цзинь Цаньжуна, *внутренний рынок* – это не только бастион против внешних вызовов, но и внешнеполитическая карта в борьбе за сферы влияния. Здесь, отметим, Китай сохраняет сильное преимущество перед Японией; последняя может выступать как экспортёр капитала в Азии, но не располагает собственным континентальным рынком, чтобы закрепить за собой сферу влияния. Если принять во внимание последствия

«двойного обращения», то китайский рынок, наряду с американским, станет для азиатской промышленности критически важным, учитывая его масштабы. Это почти беспроблемная карта, если не учитывать жёсткой конкуренции со стороны самих восходящих китайских групп. По мнению сингапурской газеты *Straits Times*, Пекину придётся дать гарантии, что его соседи не будут завалены китайскими товарами, отвергнутыми США. Это отсылка к прецеденту азиатского кризиса 1997 года, когда Китай отказался от девальвации, – а это было условием для вступления в ВТО. Сегодня Дракон отстаивает либеристскую линию в азиатском сражении, но это способствует усложнению знака цикла в череде торговых, промышленных и финансовых столкновений огромных масштабов.

Европейское перевооружение не может быть полностью объяснено без учёта этой динамики в Азии, даже несмотря на то, что *атлантический кризис* выступил в качестве нового ускорителя. Формирование европейского империалистического полюса по своей природе является реакцией на многополярность новых держав, и до того, как война заставила Европу *вооружать Украину чтобы вооружать себя*, именно планы создания китайской военной машины подталкивали цикл перевооружения старых империалистических центров. Поскольку, однако, все процессы перевооружения направлены как на старые, так и на новые отношения, всякий шаг Европы в военном плане неизбежно отражается как на Атлантике, так и на Тихоокеанском регионе. Вспомним явное зеркальное отражение немецких ядерных дебатов и японских, которое привело к тому, что главы военных и гражданских ведомств в журнале *Nikkei* заявили о необходимости «всестороннего и фундаментального пересмотра японской ядерной политики». Или европейскую попытку пересмотреть атлантические отношения, используя войну на Украине и ослабление альянса, вызванное президентством Трампа, с европейским перевооружением в качестве противовеса атлантическому упадку.

Томас Кляйне-Брокхофф, директор немецкого аналитического центра DGAP (Немецкое общество внешней политики), и Зигмар Габриэль, бывший лидер СДПГ, пишут, что «коалиция желающих» поддержать Киев, которую возглавляют Лондон и Париж, а теперь и Берлин, образует ядро «европейской опоры» НАТО. Тот факт, что эта инициатива осуществляется вне рамок структур ЕС, делает её жизнеспособной, поскольку независимая «Оборонная инициатива» заняла бы слишком много времени и вызвала бы реакцию США. Авторы связывают воедино расширение французского и британского ядерных зонтиков на Германию и Польшу. США должны поддержать эту дискуссию, чтобы избежать «неконтролируемого распространения» ядерного оружия в европейском пространстве. Европа, в свою очередь, не должна давать деструктивный ответ на неопределённость трансатлантических отношений в среднесрочной перспективе, а скорее стремиться к новому распределению ответственности.

Не спешить с конфронтацией с США – это ключ к пониманию европейского ответа как на торговом, так и на оборонном фронте – в последнем случае намерение будет состоять именно в том, чтобы сдерживать американский натиск с целью пересмотра условий

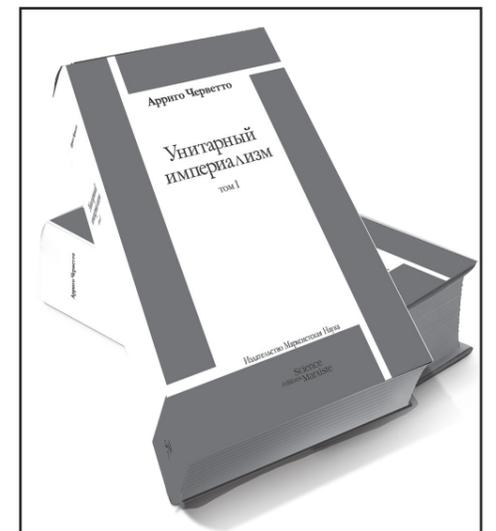
альянса. По мнению Дин Чуня, директора Фуданьского центра европейских исследований в Шанхае, это также является вынужденной игрой. Европа не провоцирует торговую войну и пытается выиграть время для перевооружения, но американское наступление застаёт ЕС в разгар «исторического сдвига», связанного с планом перевооружения Еврокомиссии и франко-германской дискуссией на высоком уровне о европейском сдерживании.

Ряд заметных шагов подтверждает ускорение сближения ключевых сил в Европе, причём не столько в смысле сроков. Европейско-британские оборонные соглашения открывают Великобритании доступ к фондам европейской оборонной промышленности. Франко-польский договор, подписанный в Нанси и подготавливающий официальное закрепление взаимной ядерной помощи, пока заявленное лишь на словах, позволяет предвидеть длинную серию шагов по европеизации французского зонтика. Франко-германское соглашение о перевооружении, «европейская опора» НАТО, франко-германский Совет безопасности и расширение ядерного сдерживания – вот ключевые моменты. Наконец, открытость Макрона к внешнему финансированию французского зонтика – это отправная точка для его будущего обсуждения.

Враг в нашем доме открыто перевооружается. Ленинисты должны использовать это время максимально эффективно.

Lotta comunista, май 2025 г.

1 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 210.

Арриго Черветто
**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1**

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2**

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Европейские хроники

Европейские танки и ракеты,
французские и английские ядерные бомбы

В своём первом заявлении на посту Федерального канцлера Германии Фридрих Мерц сообщил Бундестагу, что предоставит «все необходимые финансовые ресурсы, которые понадобятся Бундесверу, чтобы стать сильнейшей армией в Европе в сфере обычных вооружений». «Наши друзья и партнёры также ждут от нас этого». перевооружение Германии трансформирует характер атлантических отношений и накладывает на конвульсии, вызванные Дональдом Трампом, одновременно меняет стратегические пропорции между Берлином и другими столицами Европы. Именно в таком контексте происходят дебаты по вопросам европейской обороны и европеизации НАТО.

Немецкое приданое

«Будет ли Франция готова разместить ядерное оружие в Германии и разделить с Берлином участие в ядерной программе – в рамках, которые до сих пор допускала Америка? Не следует ли расширить “Force de frappe” – арсеналы которой составляют лишь долю от мощи Америки или России, – оснастив её дополнительными системами запуска?», – спрашивает Бертольд Колер, один из редакторов *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. В Германии дискуссии о «бомбе» остаются «табу», но страна обладает другими ресурсами. «Наши сильные стороны, – утверждает Колер, – скорее в финансировании, и Франция, безусловно, вернулась бы к этому вопросу, если бы защитный зонтик был расширен» (07.03.2025). «Кто ведёт, тот и платит», – пишет Хуберт Ветцель, корреспондент *Süddeutsche Zeitung* в Брюсселе. Он объясняет своей аудитории, что «немецкое лидерство, как его понимает большинство правительств ЕС, означает прежде всего одно – немецкие деньги». Германии придётся финансировать большую часть европейского перевооружения, неважно, произойдёт ли это за счёт «еврооблигаций» или за счёт «увеличения бюджета ЕС», – поскольку в любом случае «Берлин вносит наибольшую долю» (09.05.2025).

Вопрос финансирования перевооружения пока остаётся открытым. Однако он неизбежно вернётся в повестку: скоро активизируются переговоры по следующему многолетнему бюджету ЕС, а на саммите НАТО в июне, как ожидается, будет объявлено об увеличении расходов на оборону. Новый министр иностранных дел Германии Йохан Вадефуль (ХДС) уже согласился с предложением НАТО, которое циркулирует в публичном пространстве: 5% ВВП, из которых 3,5% составят непосредственно военные расходы, а 1,5% – дополнительные затраты, например, на инфраструктуру, необходимую для передвижения армий. Однако деньги сами по себе не создают армию – в ходе дебатов обсуждаются и другие ключевые вопросы, такие как формы призыва, уровень военного потенциала и структуры принятия решений.

Первые шаги Мерца

7 мая, на следующий день после вступления в должность, Мерц отправился в Париж, где вместе с президентом Франции Эммануэлем Макроном объявил о создании «Франко-германского Совета безопасности». Макрон пояснил, что эта инициатива служит дополнением к совместным проектам

Франции и Германии по разработке «танков, истребителей и ракет большой дальности». Мерц заявил, что выступает за обсуждение будущего общего сдерживания «с Францией, а также с Великобританией», подчеркнув при этом, что речь идёт не о замене существующих ядерных гарантий США в рамках НАТО, а об их «дополнении». В сообщении, позднее опубликованном в *Le Figaro* и *Die Welt*, Мерц и Макрон подтвердили своё общее стремление укрепить «европейскую опору НАТО».

После визита в Париж Мерц вылетел в Варшаву, чтобы встретиться с премьер-министром Польши Дональдом Туском. В отличие от «гармонии», царившей на встрече Мерца с Макроном, в Варшаве атмосфера «заметно похолодела», пишет *Bild* (8 мая). К антигерманским настроениям, эксплуатируемым правыми в ходе президентской кампании в Польше, добавилось отягчающее обстоятельство в виде пограничного контроля, введённого новым правительством Мерца под предлогом борьбы с «нелегальной иммиграцией». Туск был непреклонен: Польша не будет принимать обратно мигрантов.

Франко-польское
сближение

Заметно более тёплой оказалась встреча Макрона и Туска, состоявшаяся два дня спустя в Нанси. С подписанием Нансийского договора Париж расширил сеть двусторонних соглашений с европейскими партнёрами, и, по словам Пьера Бюлера, посла Франции в Польше с 2012 по 2016 год, для Франции это означает, что её отношения с Польшей начинают на тот же уровень, что и с тремя крупнейшими европейскими соседями. Это, как он считает, «способ продемонстрировать новое сближение в нашем видении европейского порядка и российской угрозы» (*l'Opinion*, 13.05.2025). На пресс-конференции после подписания договора Макрон подчеркнул, что положение о взаимопомощи – ссылающееся на статью 5 НАТО и статью 42 Договора о ЕС – касается «всех компонентов», то есть и ядерных. По оценке *Le Monde*, это «новое подтверждение европейского измерения французского ядерного зонтика» (10.05.2025).

13 мая в прямом телеэфире Макрон вернулся к этой теме и сформулировал три условия для размещения французских ядерных истребителей в странах-союзниках. Во-первых, Франция не будет оплачивать безопасность других, но возможны «европейские усилия» или национальное участие заинтересованной страны. Во-вторых, любое возможное расширение французского сдерживания не должно быть в ущерб обороноспособности самой Франции. В-третьих, «красная кнопка» всегда будет оставаться в руках президента Франции.

Лондон по вопросу европейского сдерживания до сих пор хранил молчание. Первый сигнал о том, что он намерен обозначить свою позицию, появился 15 мая: Лондон объявил, что Соединённое Королевство и Германия будут совместно работать над разработкой «нового ударного потенциала большой дальности действия – более 2000 км».

Лондон ведёт переговоры
о ракетах и рыбе

Совместная разработка этой ракеты станет первым конкретным следствием

НОВОЕ ГЕРМАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

6 мая Фридриху Мерцу понадобилось два тура голосования в Бундестаге, чтобы стать канцлером. Хотя правящие партии ХДС/ХСС и СДПГ имеют большинство в 12 мест, 18 депутатов коалиции отказались поддержать его кандидатуру в первом туре. Столкнувшись с этой беспрецедентной за весь послевоенный период ситуацией, партии большинства при поддержке “Зелёных” и “Левой” предложили провести новое голосование. Это требовало квалифицированного большинства в две трети голосов и в итоге было поддержано всеми парламентскими силами, включая АДГ. В таком хаосе Мерц и был избран канцлером Германии, набрав 325 голосов “за” – на девять больше необходимого.

«Фальшарт», – комментирует *Süddeutsche Zeitung*. *Bild* видит в произошедшем «больше, чем намёк на Веймар», в том числе и потому, что партии большинства использовали голоса левых и АДГ, чтобы проложить путь для второго голосования. По мнению *El País*, этот эпизод «подчеркивает хрупкость правительственной коалиции». *The Economist* предупреждает: «внутренние проблемы угрожают глобальным амбициям Фридриха Мерца». Но на международной арене Мерц – «долгожданный лидер», пишет *Le Monde*. В частности, Париж надеется «восстановить синхронность» франко-германских отношений, чтобы «избавиться от недопонимания» на фронтах «энергетики и торговли», а также продвинуться в рамках европейской повестки – здесь Франция возлагает большие надежды на вопросы безопасности и надеется на создание «совместного кредита» для финансирования европейского перевооружения.

Имена мятежников, проваливших Мерца в первом туре, остаются неизвестны из-за тайного голосования, но предполагается, что внутри коалиции произойдёт сведение счетов. Говорят, что некоторые депутаты ХДС таким образом выразили своё недовольство ослаблением Мерцем долгового тормоза. Однако основные подозрения падают на депутатов СДПГ, где Ларс Клингбайль, новый вице-канцлер и министр финансов, взял партию под свой контроль – несмотря на то, что, будучи её сопредседателем, отвечает за худший результат на выборах с 1887 года – 16,4%. За исключением Бориса Писториуса – сохранившего пост министра обороны, – остальные министры от СДПГ из предыдущего правительства были вынуждены уступить свои посты более молодому кадрам, лояльным 47-летнему Клингбайлю. По данным *Handelsblatt*, эта перестановка свидетельствует о намерении Клингбайля сформировать сплочённую команду к выборам 2029 года.

В новом правительстве изменилась организация и направленность ряда министерств. Федеральное министерство экономики и защиты климата, которое в предыдущем правительстве возглавлял Роберт Хабек от “Зелёных”, теперь называется Федеральным министерством экономики и энергетики, а возглавляет его Катерина Райхе из ХДС. Химик по образованию, она была генеральным директором West-energie, дочерней компании E.on, которая управляет электросетями в Северной Рейн-Вестфалии и близлежащих регионах. Райхе намерена проводить новую политику в сфере энергетики и дистанцируется от интервенционистского подхода Хабек. Она заявляет о своей приверженности *Ordnungspolitik*, вдохновлённой Людвигом Эрхардом. Вторым “менеджером” ХДС в правительстве является Карстен Вильдбергер, доктор физических наук и бывший генеральный директор Sesoconomy, владелец MediaMarkt и Saturn. Он возглавит новое Министерство цифровых технологий и государственной модернизации.

Заметные изменения произошли и в сфере внешней политики. Впервые с 1966 года пост министра иностранных дел отошёл ХДС – его занял Йохан Вадефуль. Он дал понять, что немецкая дипломатия будет руководствоваться интересами, а не «феминистской внешней политикой» его предшественницы Анналены Бербок. Однако вес министерства может быть ослаблен созданием Совета национальной безопасности при Канцелярии Фридриха Мерца. Он намерен ещё больше централизовать руководство внешней политикой, чтобы положить конец разногласиям, царившим в предыдущем правительстве. «Времена, когда европейские партнёры получали разные ответы из Берлина в зависимости от того, куда они звонили – в Ведомство федерального канцлера, Министерство иностранных дел или Министерство финансов, должны уйти в прошлое», – сказал Мерц. Остаётся лишь увидеть, сколько из заявленных намерений нового правительства Германии выдержит столкновение с непредсказуемой реальностью кризиса порядка.

документа о военном сотрудничестве между Лондоном и Берлином – Соглашения “Тринити-хаус”, подписанного в октябре 2024 года. Заметим, что в уравнении сдерживания имеют вес и неядерные ракеты высокой точности и большой дальности.

Вторым сигналом стало соглашение, подписанное Лондоном с Брюсселем 19 мая. Оно включает оборонный пакт, позволяющий британской военной промышленности получить доступ к части европейских контрактов на совместные закупки, финансируемые за счёт кредитного фонда SAFE (Security Action for Europe) объёмом 150 млрд евро.

По словам премьер-министра Великобритании Кира Стармера, соглашение представляет собой «перезагрузку» в отношениях с ЕС и открывает «новую эру». Однако для заключения этой сделки Стармеру пришлось пойти на уступки: права на рыболовство

для судов ЕС в британских водах будут продлены на 12 лет, а Великобритания присоединится к фитосанитарным стандартам ЕС, признав тем самым верховенство Европейского суда. Кроме того, британцы возвращаются на европейский рынок электроэнергии. А вот план мобильности для молодёжи, который позволил бы им жить и работать по обе стороны Ла-Манша, был заморожен. Столкнувшись с обвинением в «предательстве» Брексита со стороны партии Reform UK Найджела Фараджа и консерваторов, правительство сочло опасным вопрос, способный увеличить иммиграционную статистику.

В процессе решения вопросов перевооружения буржуазным политикам легче пожертвовать правами на ловлю палтуса и трески, чем сменить свою свирепую антииммигрантскую маску.

Заинтересованные взгляды из Москвы на европейское ускорение

Три года войны на Украине пагубно сказались на отношениях между Россией и Европой. «Резкое ускорение перевооружения Европы», как мы это назвали в апрельском номере нашей газеты, лишь усилило напряжённость. Планы «желающих» оказать Киеву поддержку и на военном фронте вызвали ответную реакцию Москвы.

Министр иностранных дел Сергей Лавров в интервью, опубликованном 21 марта на сайте МИД РФ, напомнил, что в прошлом отношения между Россией и Евросоюзом имели «уникальный формат»: «Дважды в год проводились саммиты. Такого у Евросоюза не было ни с кем». Это свидетельствовало о близости и взаимном интересе между Москвой и Европой. Но, сетует Лавров, теперь «нам говорят, мол, мы отвернулись от Запада». Разумеется, он умалчивает о том, что между «тогда» и «теперь» пролегал война.

Исторические связи

Всё это, однако, не отменяет объективного факта, начиная с географии: Европа – это «западный сосед» Москвы. Но даже самые яростные критики «роевропейского» политического курса прежде всего обращаются к историческим отношениям.

Среди них – безусловно, Сергей Караганов, почётный председатель Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), который уже давно повторяет свою позицию. В интервью, опубликованном на сайте ливанского телеканала *Al Mayadeen*, данном 9 января (на русском см.: РСМД и «Россия в глобальной политике», 13.01.2025), он заявил: «Мы поворачиваемся туда, куда вернулись после большого путешествия в Европу, начатого Петром Великим. Это было очень полезно, потому что мы культурно обогатились». «Мы исчерпали пользу нашего европейского путешествия. Поэтому мы возвращаемся домой, туда, где были. Вернуться домой – это, конечно, значит вернуться на Восток и на Юг».

О Европе 19 марта в интервью французскому журналу *L'Express* (на русском см.: «Актуальные комментарии», 20.03.2025) рассуждал и Владислав Сурков, автор концепции «суверенной демократии», давно демонизированной на Западе. Он утверждает, что «Россия все эти годы заявляла, что готова к переговорам. Европа могла в любой момент откликнуться на эти заявления и начать диалог. Не начала. Начали другие». Он идёт дальше, объясняя происходящее «промежуточной» природой самого Европейского союза: «Европе пора определиться – она государство или нет? Страны-участники делегировали свой суверенитет Союзу, но не весь – очередная полумера! В результате ни ЕС, ни его члены всей полнотой суверенитета не обладают». Объединённая Европа, по его мнению, вместе с Россией и США сможет создать «северную цивилизацию», способную выжить «в условиях почти невыносимого демографического давления со стороны юга».

Брюссель, как подразумевается, должен суметь привести к единой позиции всех членов, включая самых упрямых восточноевропейских.

Политика и энергетика

Наиболее ярким символом российско-европейского «симбиоза», безусловно, являются энергетические от-

ношения. Символичным с этой точки зрения является прекращение подачи газа по трубопроводу «Северный поток», проходящему по дну Балтийского моря, после диверсии в сентябре 2022 года – акту асимметричной войны украинско-польско-американской разработки. Политический характер этого взрыва, нацеленного на нарушение не только экономических связей между Россией и Германией, – а через неё и всей Европой, очевиден.

Станислав Жизнин, президент Центра энергетической дипломатии и геополитики, 9 декабря в «Независимой газете» писал, что «американский фактор во многом повлиял на торможение энергодиалога РФ–ЕС, в том числе из-за того, что часть новых членов ЕС сыграла роль американского троянского коня для раскола ЕС».

Однако нынешний атлантический кризис, подчёркнутый политикой администрации Трампа, открывает новые сценарии для российско-европейских отношений – в том числе в энергетике. Дидье Холло, исполнительный вице-президент Engie, и Патрик Пуянне, генеральный директор TotalEnergies, заявили о заинтересованности в возобновлении поставок российского газа после окончания конфликта на Украине. Последний в интервью *Reuters* также уточнил: «Европа никогда не вернётся к импорту 150 миллиардов кубометров газа из России, как это было до войны, но на 70, пожалуй, я сделал бы ставку» (*La Stampa*, 15.04.2025).

Европейский вызов американской политике

С российской стороны растёт внимание к возможному «повороту» в европейских настроениях. Дмитрий Сулов, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) и член РСМД, известный сторонник «жёсткой линии» в войне на Украине, видит в инициативах Дональда Трампа положительную для Москвы сторону: «Есть и выгоды, которые Россия будет из этого извлекать, – это то, что тот же самый Евросоюз будет иметь больше стимулов для нормализации экономических отношений с Россией» (ТАСС, 03.04.2025).

На фоне общего климата – войны в Украине и милитаристских заявлений из Брюсселя – в Москве появляются и более сдержанные размышления. Тимофей Бордачёв, программный директор дискуссионного клуба «Валдай» и научный руководитель того же Центра в НИУ ВШЭ, формулирует, как сегодня в Москве смотрят на Европу. Его статья («Валдай», 21.04.2025) заслуживает прочтения в полном объёме. Первая часть, по сути, представляет собой полный разрыв с «западным соседом»: «Европа всегда была источником беспокойства для остального мира» и «историческим противником» России; сегодня она «возвращается к своему положению главного источника опасностей для всего человечества». Но, задаётся вопросом Бордачёв, «значит ли это, что мы в России должны отгородиться от западных соседей и не уделять им никакого внимания?». Например, сосредоточившись исключительно на Азии. Это, по его мнению, было бы стратегической ошибкой. «России всё равно придётся иметь дело с Европой». И далее следует точное указание: «Имеет смысл думать о возможных

сценариях её развития, пытаться расширять знания о состоянии своих западных соседей. Что, естественно, не означает необходимости принимать как должное их поведение на мировой арене – и особенно в отношении России». Иначе говоря, несмотря на доминирование евразийского вектора, Москва внимательно следит за тем, как выбор Трампа может изменить европейскую политику.

Тот же Бордачёв ранее уже пытался спрогнозировать возможную трансформацию европейской политики в контексте новой американской администрации. Он писал («Валдай», 10.02.2025), что политика США в отношении Европы всегда преследовала две цели: «сдерживание от восстановления европейского великодержавия и милитаризма» и «использование Европы в качестве территориальной базы для противостояния с Россией». Заметим, что эти две цели взаимосвязаны: как конфронтация с Москвой, так и договорённость с ней служили одной задаче – ограничению европейской самостоятельности. И фактический союз в рамках действительного ялтинского раздела, и мировое противостояние с «империей зла» в 1980-х годах держали Европу под прицелом. «Соперничество между США и Китаем, – продолжает Бордачёв, – имеет все шансы стать центральным элементом международной политики в ближайшие десятилетия». В этом случае уменьшение американского давления на Европу с антиросийской точки зрения «может привести к быстрому изменению не только риторики, но и практики европейской внешней политики».

Российский ответ

Одну из заслуживающих внимания оценок высказал Владислав Белов – заместитель директора по научной работе Института Европы РАН и руководитель Центра германских исследований при том же институте (РСМД, 10.04.2025). Начинается оно с нетривиального замечания о том, что январь стал началом «нового цикла стратегической конфронтации между двумя ключевыми акторами трансатлантического пространства», с возвращением Трампа в Белый дом и презентацией в Брюсселе «Стратегического компаса», «подготовленного на основе доклада М. Драги».

«Оформились контуры новой реальности в Евроатлантике», – пишет Белов. Он отмечает «конфронтационный, но не разорванный трансатлантический экономический ландшафт». В этом контексте «институты ЕС пытаются выстроить защитную позицию, а Вашингтон демонстрирует готовность к построенному на протекционизме хозяйственному ревизионизму». Таким образом, «следующий этап евроатлантических отношений будет разворачиваться на полях столкновения экономических интересов, неизбежных конфликтов, где ФРГ играет роль центрального узла Евросоюза».

В который раз, подчёркивает Белов, «ЕС снова оказался на перекрёстке между стремлением к стратегической автономии и опасением расколоть единство стран-членов». Особенно трудно Брюсселю успокоить восточноевропейских членов Союза, традиционно настроенных антиросийски.

«Фрагментированная Европа» действительно является одним из трёх сценариев будущего, которые рисует

Белов. Однако Москва с особым вниманием следит за двумя другими сценариями, в которых прослеживается попытка ЕС выстроить более автономную стратегию.

Первый сценарий – «трансатлантическая мобилизация» – предполагает, что ЕС под внешним и внутренним давлением Франции и Германии приступит к «институциональной консолидации», включая возможное создание «Европейского фонда суверенитета» через расширение полномочий Еврокомиссии «в сфере промышленной и торговой политики». Предпосылкой для реализации такого сценария является поддержка со стороны как минимум шести-семи ключевых стран, включая Италию, Испанию и Польшу.

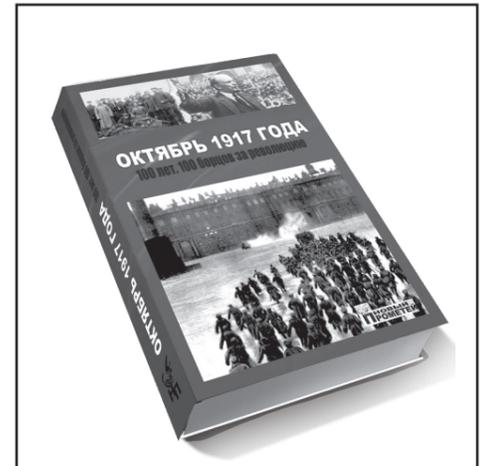
Другой сценарий, ещё более интересный, – это «стратегическая треугольная архитектура»: Европа, нацеленная «на дальнейшую автономизацию в рамках треугольника ЕС – США – КНР», пытающаяся «играть на разногласиях между США и Китаем». Для этого ЕС придётся провести «реформы в бюджетном механизме ЕС» и провести «мобилизацию промышленного и оборонного потенциала», а также укрепить «цифровой суверенитет». Сценарий амбициозный, но он «не исключён», хотя и потребует «появления нового поколения проевропейских прагматиков». «Призом» для Европы станет открытие «возможности для переосмысления роли европейской части коллективного Запада в глобальном мировом хозяйстве и политике».

Переплетающиеся сражения

Следовательно, в Москве есть те, кто с интересом рассматривает возобновление европейской инициативы. Однако эти перспективы требуют времени и, прежде всего, переплетающихся сражений внутри ЕС, между берегами Атлантики, а также в отношениях с Россией.

И в самой Москве не обходится без разногласий. Но примечательно, что в эти напряжённые месяцы, когда продолжаются попытки договориться по украинскому вопросу, ведутся поиски путей восстановления утраченной европейской линии.

Lotta comunista, май 2025 г.

**Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию**

364 страницы, твердый переплет,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Российские хроники

Война и классовая борьба

Россия способна воевать долго – такова распространённая в российском правящем классе идея, транслируемая всеми государственными СМИ и мозговыми центрами. В её основе лежит не только убеждение в устойчивости российской экономики, но и отсутствие сколько-нибудь массовых протестов со стороны населения. Социальная пассивность господствует в воюющей России.

Противоречия капитализма при этом никуда не делись: в определённых секторах они приобретают весьма острый характер, что порождает эпизоды классовой борьбы.

Приведём лишь несколько примеров о которых сообщалось в различных российских СМИ.

К моменту начала войны на территории России работало большое количество групп иностранного капитала, многие компании использовали труд иностранных рабочих. Значительная часть этой рабочей силы покинула страну, но кое-кто остался.

Так, в Нижнекамске (Татарстан) турецкая компания «Гемонт» продолжала использовать труд 1500 турецких рабочих на строительстве проекта этиленового комплекса ЭП-600, который должен позволить «Нижнекамскнефтехиму» ежегодно выпускать дополнительно 600 тыс. тонн этилена, а также 272 тыс. тонн пропилена, 246 тыс. тонн бензола, 88 тыс. тонн бутанадиена. Вызванные санкциями нарушения в работе финансовой системы привели к трёхмесячной задержке заработной платы, в связи с чем рабочие 27 июня 2022 года начали забастовку. Ситуация решилась после вмешательства российского заказчика.

2 декабря 2022 года из-за невыплаты зарплат забастовали свыше 1,5 тысяч рабочих на крупнейших газовых месторождениях Сахалина.

Wildberries – крупнейший в России маркетплейс – во время войны не только стал предметом передела собственности, сопровождавшегося стрельбой со смертельным исходом в центре Москвы и подключением к этому переделу знаковых фигур российского государства – от Кадырова до Путина, – но и отметился эпизодами протестов наёмных рабочих, на которые пришлось реагировать прокуратуре и правительству.

На конец 2022 года в России было 56 тыс. пунктов выдачи товаров различных маркетплейсов, и 26,9 тыс. из них – то есть почти половина – принадлежали Wildberries. В связи с частыми случаями отказа покупателей от полученного товара по причине несоответствия качества владельцы компании решили переложить расходы на плечи работников, увеличив штраф с 20 до 100 % стоимости товара. В ответ в некоторых городах сотрудники пунктов выдачи начали весной 2023 года забастовку. После обещания правительства и прокуратуры вмешаться в ситуацию компания отменила введённые штрафы.

1 декабря 2023 года в Якутске забастовали водители автобусов. Война привела к сокращению и без того ограниченной рабочей силы. Транспортным рабочим приходилось работать по графику четыре на один, то есть проводить четыре дня за рулём автобуса, а в

пятый – заниматься его обслуживанием и ремонтом.

17 мая 2023 года на Ульяновском автотомоде (УАЗ) несколько десятков рабочих устроили забастовку – они пожаловались на низкие зарплаты. Волнения были спровоцированы тем, что часть рабочих за последний месяц в среднем получила лишь по 20 тыс. рублей. По официальной статистике, сотрудники УАЗа получают 45 тыс. рублей в месяц. При этом, поскольку предприятие занимается выполнением оборонного заказа, семеро наиболее активных участников протеста были обвинены в саботаже.

Эти редкие эпизоды стихийной классовой борьбы могли бы позволить ленинской партии усилить своё влияние, но такой партии в России нет. Это отражение исторической задержки формирования партии, но также и повод для размышлений о причинах этой задержки.

В истории современной России были эпизоды относительно массовой классовой борьбы – достаточно вспомнить забастовки шахтёров 1989 года или их же рельсовую войну мая 1998 года. Тогда из-за долговременной невыплаты заработной платы протестующие шахтёры на две-три недели перекрыли несколько ключевых магистралей. Шахтёры Инты заблокировали движение в Республике Коми. В Кузбассе шахтёры Анжеро-Судженска и Междуреченска, а также машиностроители Юрги, заблокировали магистраль, соединяющую Сибирь и Дальний Восток, лишив также Томскую область выхода к железнодорожной сети. В Ростовской области шахтёры города Шахты заблокировали дорогу, связывающую центр России с югом и Кавказом. Как в 1989-м, так и в 1998 году, борьба рабочих была использована в борьбе фракций буржуазии, привлекла внимание сталинистских осколков КПСС и различных левых групп. Но – так и осталась изолированным эпизодом стихийной классовой борьбы. Совпавший с долгим правлением Путина рост нефтегазовых доходов позволил российской экономике выбраться из экономической ямы, вызванной распадом экономического хозяйства СССР.

В «Положении рабочего класса в Англии» Фридрих Энгельс указывал, что «положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнажённое проявление наших современных социальных бедствий»¹. В той же книге он обращал внимание на ещё один очень важный момент: «С уничтожением прежнего ремесленного производства, с исчезновением мелкой буржуазии для рабочего пропала всякая возможность самому стать буржуа. Прежде у него всегда была надежда обзавестись своей мастерской и впоследствии, может быть, нанять подмастерьев; теперь же, когда сами мастера вытеснились фабрикантами, когда для устройства самостоятельного дела появилась необходимость в больших капиталах, рабочий класс впервые действительно стал устойчивым классом населения, между тем как раньше положение рабочего нередко бывало лишь этапом на пути к положению буржуа. Теперь тот, кто родился рабочим, не имеет иных пер-

спектив, как остаться им навсегда. Вот почему только теперь пролетариат в состоянии создать своё самостоятельное движение»².

Противоречивое развитие капиталистического способа производства в развитых империалистических метрополиях, к которым относится и Россия, изменило положение наёмных рабочих. В России семья с несколькими источниками доходов давно является широко распространённым явлением: в 2021 году почти 49 % рабочей силы в России составляли женщины, работает более 70 % женщин в возрасте от 15 до 64 лет.

Существенно выросла доля доходов от собственности, включающих проценты по вкладам (с 6,8 до 8,2 %). По данным ЦБ, за 2023 год средства населения в банках увеличились на 7,36 трлн руб., или почти на 20 %, до 44,9 трлн руб. За первую половину 2024-го остатки на счетах и депозитах физлиц выросли ещё на 4,8 трлн руб., до 49,8 трлн руб. на 1 июля. Темпы прироста вкладов ускорились до 26 % в годовом выражении.

Безусловно, доходы от собственности получают не только наёмные работники, но показательным является то, что порядка 10 % наёмных работников России живут не только за счёт продажи собственной рабочей силы, но имеют и доходы от собственности или предпринимательства, то есть не являются пролетариями, живущими исключительно за счёт продажи собственной рабочей силы. Империалистический паразитизм меняет положение и сознание класса наёмных работников.

Но капитализм не может существовать без кризисов. Война на Украине серьёзно изменила связи российской экономики с мировым рынком, но она осталась его частью. Следовательно, «сведение воедино и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазной экономики»³, которое Карл Маркс называет кризисом мирового рынка, неизбежно находит отражение и на его российском сегменте.

Приведём лишь несколько примеров. Госдума публично обращается к правительству из-за проблем в промышленности, которые нарастают по принципу эффекта домино: снижение потребительского и инвестиционного спроса, а также растущие издержки приводят к сокращению выпуска, а значит – к простоям и ухудшению положения работников. Наблюдается как минимум два отраслевых кризиса – в сельскохозяйственном машиностроении и добыче угля.

Тысячи работников сельскохозяйственного машиностроения рискуют в ближайшем будущем столкнуться с существенным ухудшением своего материального положения. Особое внимание приковано к «Ростсельмашу», где работает 15 тыс. человек. Вице-спикер Госдумы Виктория Абрамченко сообщает о том, что на предприятии происходит снижение заработной платы, отправка персонала в вынужденные отпуска и переводы на менее оплачиваемые позиции. В связи с затовариванием складов и отсутствием спроса, руководство компании первоначально планировало отправить коллектив предприятия в простой как минимум на три месяца с сохранени-

ем 2/3 оплаты труда с 1 июля текущего года. Всё это вызывает недовольство среди работников.

Истинная причина происходящего имеет конкретное название – это Китай и его вторжение на российский рынок. С 2017 по 2023 год Китай нарастил поставки сельхозтехники в Россию в 4,4 раза. Вместе с тем импорт китайских тракторов в денежном выражении вырос в 24 раза. Если в 2017 году доля тракторов из Китая в структуре импорта составляла 4 %, то в 2023 году она достигла 63 %.

Углубляется кризис и в угольной отрасли – 179 предприятий, в том числе 52 шахт и 127 разрезов, на которых занято почти 170 тысяч человек. Причин несколько: снижение цен на мировых рынках, ограниченная провозная способность железнодорожной инфраструктуры, укрепление рубля, сокращающее доходы от экспорта, а также стагнирующий спрос внутри страны.

Первый замгубернатора Кемеровской области Андрей Панов сообщает об остановке работы ряда предприятий и отправке рабочей силы в простой: «Налицо прогрессирующий кризис». О необходимости поддержки угольной промышленности со стороны государства заявил министр финансов Антон Силуанов. Беспокойство правящего класса, вероятно, связано в том числе и с призраками 1989 и 1998 годов.

Отдельного внимания требует ситуация в строительной отрасли, где устаревшую технику уже не может в полной мере заместить дешёвая мигрантская рабочая сила.

Официальная статистика пока не отражает обвала зарплат, однако происходящие в экономике процессы предполагают ухудшение материального положения тысяч работников в нескольких ключевых отраслях, а также в смежных с ними секторах. Слабость профсоюзных организаций и отсутствие ленинской партии оставляют рабочих один на один с частными собственниками и их государством перед лицом надвигающихся проблем.

Июнь 2025 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 238.

2 – Там же. С. 257.

3 – Там же. Т. 26. Ч. 2. С. 567.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Слабеющая хватка Кремля в Средней Азии

Если верить говорящим головам Кремля, то война на Украине укрепила позиции российского империализма среди стран так называемого Глобального Юга. О том, что из себя представляет этот самый Глобальный Юг и как там изменились позиции Кремля, мы как-нибудь обязательно напишем, в этой же статье посмотрим на то, как изменился вес России на её ближайшем Юге, в её *мягком подбрюшье*.

Российское информационное агентство "Интерфакс" 26 декабря 2024 года со ссылкой на главу "Газпрома" Алексея Миллера сообщило, что Россия по итогам года поставила в КНР *«где-то около 31 млрд кубометров газа»*. При этом издание подчеркнуло, что "Газпром" становится крупнейшим поставщиком трубопроводного газа в Китай, *«с большим запасом обогнав Туркменистан»*. Обоснованность этого заявления вызывает сомнения, поскольку, сколько газа поставил Туркменистан в КНР по итогам 2024 года – неизвестно. В 2023 году сообщалось, что объём ежегодных поставок газа по трубопроводу из Туркменистана в Китай составляет около 40 млрд кубометров. В любом случае, даже если по каким-то причинам в 2024 году Туркменистан значительно снизил поставки газа в Китай, российскому империализму стоило бы кусать локти, а не хвастаться: 31 млрд кубометров газа – это в 6,5 раз меньше, чем РФ поставляла в Европу в лучшие времена до начала полномасштабной агрессии против Украины. Кроме того, не следует забывать о том, что Китай, пользуясь моментом, покупает российский газ за полцены. В этой ситуации "Газпрому" не остаётся ничего иного, как бравадно отчитываться о недоказанной "победе" над Туркменистаном.

Китай, контролирующий более 70 % мировых производственных мощностей во всех категориях генерации "чистой энергии" (за исключением водородных электролизёров), добился взрывного роста её генерации. И хотя по-прежнему примерно 62 % потребляемой в Китае энергии дают ископаемые источники, ожидается, что в ближайшие годы этот показатель будет снижаться, в том числе благодаря замедлению экономики КНР, а также росту производства энергии из возобновляемых источников (ВИЭ).

Вероятно, всё это как минимум частично объясняет недавнее решение руководства КНР отказаться от российского мегапроекта по прокладке газопровода в Китай через территорию Казахстана мощностью 35 млрд куб. м газа в год, а также нежелание Пекина поддерживать строительство "Силы Сибири – 2" с пропускной способностью в 50 млрд куб. м, что ставит российский империализм с его ориентированной на экспорт углеводородов экономикой в крайне неприятное положение.

Изменения в энергетике Китая, вероятно, сказались на недавнем решении Туркменистана диверсифицировать направления экспорта голубого топлива, включая запуск поставок в Турцию. Возможно, именно реализация этого проекта стала последним

гвоздём в крышку гроба мертворождённого турецкого газового хаба, с которым Кремль носился с 2022 года. Кроме прочего, проект свернули как минимум по двум причинам: ограниченные мощности турецких газопроводов в Южную Европу и нежелание Анкары продавать газ вместе с "Газпромом".

Потеря европейский рынок, "Газпром" очень надеялся на развитие восточного и южного направлений экспорта. Но потеря рынков как минимум означает сокращение доходов, а следовательно, инвестиционных возможностей. В случае с "Газпромом" речь идёт об убытках: в 2023 году они приблизились к 7 млрд долларов, в 2024-м достигли порядка 10 млрд. На этом фоне "Газпром" был вынужден выйти из ряда проектов в Бразилии, Индии, Таджикистане, Узбекистане и Венесуэле. В частности, компания отказалась от проекта "Шахпахты" в узбекском Каракалпакистане. Более того, "Газпрому" пришлось направить свой газ в Среднюю Азию по практически бросовым ценам. На данный момент эти поставки примерно в шесть раз меньше объёмов, покупаемых Китаем.

В этой борьбе за рынки сбыта российский газовый монополист выступает в качестве орудия Кремля, который сегодня стремится пополнить казну, но при этом не хочет терять влияние в важном для себя регионе. Свою игру ведут и правительства среднеазиатских государств. Так, по данным агентства ТАСС, министр иностранных дел Кыргызстана Жээнбек Кулубаев 15 апреля объявил, что Бишкек рассматривает альтернативы топливу из России, намекая, что растущий интерес Кыргызстана к диверсификации связан с грубым обращением с кыргызскими гражданами во время недавнего рейда в одной из московских бань. Переводы от мигрантов составляют важную часть бюджета среднеазиатских государств – особенно это касается Кыргызстана и Таджикистана.

Не газом единым ограничивается борьба за рынки в Средней Азии. По данным Главного таможенного управления КНР, объём товарооборота Поднебесной со Средней Азией в 2024 году составил 94,8 млрд долларов, что на 5,4 млрд больше, чем годом ранее. Примерно 46 % торговли пришлось на Казахстан (43,8 млрд), почти 24 % составила доля Кыргызстана (22,7 млрд), около 14,5 % на Узбекистан (13,7 млрд), чуть более 11 % на Туркменистан (10,6 млрд), на Таджикистан пришлось 4 % (3,8 млрд). Цифры российского товарооборота со странами Средней Азии, которые приводит 12 марта "Независимая газета" в статье с говорящим названием *«Дрейф от России» – фейк*, скромнее: с Казахстаном 27,8 млрд долларов, с Узбекистаном 10 млрд, с Кыргызстаном и Таджикистаном – 3,2 млрд и 2 млрд соответственно.

Россия пока сохраняет лидирующее положение в торговле с Таджикистаном, причём свыше 90 % товарооборота между странами в 2024 году осуществлено с использованием рос-

сийского рубля. При этом в 2021 году на рубль приходилось 50 % товарооборота. По данным статистического ведомства Таджикистана, общий объём товарооборота между странами в минувшем году увеличился на 15,6 % по сравнению с 2023 годом. Доля России во внешнеторговом обороте Таджикистана в 2024 году составила 22,1 %, а Китая – 21,8 %. Но торговая динамика отнюдь не в пользу Кремля. Лишь за последний год рост товарооборота Таджикистана с Китаем составил 30,1 %, что почти в два раза больше, чем с Россией.

Сделаем необходимое отступление. Методология учёта товарооборота в Китае и государствах бывшего СССР отличается. В связи с этим данные по Таджикистану расходятся на 50 %, по Узбекистану и Китаю примерно на 10 %, по Казахстану разница составляет около 32 %, а по Кыргызстану – в 4 раза. Во всех случаях речь идёт о превышении китайских показателей. В случае с Кыргызстаном разница, например, связана с зачётом транзитных грузов. Не следует забывать, что Средняя Азия играет важную роль в цепочках поставок на российский рынок так называемого "серого импорта".

Как бы то ни было, с 2022 году прирост торговли КНР со странами Средней Азии составил примерно 35 %. И, судя по данным экономической статистики, этот тренд продолжится.

В свободной экономической зоне (СЭЗ) "Хоргос – Восточные ворота" в Жетысуской области Казахстана 17 января был дан старт строительству завода по производству ветрогенераторов и систем накопления энергии – проект реализуется совместно ТОО "Казахстанские коммунальные системы" и китайской Envision Energy. 60 % производимой продукции планируется направить на казахстанский рынок, а 40 % – на экспорт в страны Средней Азии и Южного Кавказа. Проект привлёк внимание ведущих китайских СМИ, например, газеты "Жэньминь Жибао".

16 января в Ташкенте состоялся бизнес-форум Узбекистана и Китая, в котором приняли участие более 400 представителей компаний из обеих стран. Во время мероприятия было отмечено, что КНР – крупнейший торговый и инвестиционный партнёр Узбекистана. По итогам 2024 года объём китайских инвестиций в страну превысил 10 млрд долларов. Китай в 2024 году впервые за всю историю опередил Россию по количеству предприятий с иностранным капиталом в Узбекистане. По состоянию на 1 января 2025 года в стране действовало 3357 китайских предприятий, что на 43,6 % больше, чем в 2023 году. Число компаний с участием российского капитала сократилось до 2937, на 3,5 %.

На долю Китая пришлось более 81 % всех поставок автомобилей на узбекский рынок. При этом, как отметило издание *UZ24*, впервые в истории импорт электромобилей и гибридных машин превысил ввоз бензиновых транспортных средств. Узбекистан попал не только в автомобильную зависимость от Китая, но и кондиционер-

ную. Издание *UzDaily* отметило, что более 96 % поставленных за прошлый год кондиционеров были произведены в Китае.

Туркменистан стал единственной страной Центральной Азии, которая имеет положительное сальдо торгового баланса с КНР, – обеспечить подобную статистику Ашхабаду удалось исключительно за счёт поставок газа.

Борьба за влияния и рынки Средней Азии не ограничивается только Москвой и Пекином, в ней также участвуют США, ЕС и другие игроки унитарного империализма. Например, турецкая оборонная промышленность претендует на лидирующие позиции на растущем рынке беспилотников. В 2022 году, после российского вторжения на Украину, Казахстан подписал меморандум о военно-техническом сотрудничестве с Turkish Aergospace о сборке и техническом обслуживании ударных БПЛА "Анка". Кыргызстан также приобрёл беспилотники турецкого производства, в том числе "Акынжи" и "Аксунгур", а Туркменистан предпочёл "Байрактар". В армии Узбекистана уже находятся на вооружении БПЛА "Байрактар ТБ-2".

По итогам 2023 года товарооборот между Турцией и Казахстаном составил рекордные 6 млрд долларов, с Узбекистаном достиг 3 млрд. Турция входит в пятёрку основных торговых партнёров пяти стран Средней Азии, а для Туркменистана Анкара является экспортёром номер один на протяжении последних лет, обогнав КНР.

Турция намерена реализовать амбициозную задачу – создать тюркоязычный аналог ЕС, реализуя концепцию "Великого Турана" под лозунгом "много государств – одна тюркская нация". В этом ключе была принята "Концепция тюркского мира до 2040 года", которая намерена обеспечить единство тюркского мира во всех областях: от алфавита и понятийного аппарата до взаимодействия в политической сфере и сфере безопасности, экономике, в сфере транспорта и таможенных, информационных и коммуникационных технологий, энергетике, туризме, здоровье и защите окружающей среды, развитии сельского хозяйства. В этой связи создано объединение более 40 университетов TURKUNIB с Орхунским процессом – это аналог Болонского процесса в тюркском мире.

Регион с 82 миллионами населения, среди которых почти половина – молодёжь, а темпы демографического роста за последние 20 лет составили 1,6 % в год, не может не привлекать внимание империалистических хищников. Ограничимся одним примером: сайт Агентства миграции Узбекистана предлагает 17,9 тыс. вакансий в России и 32,1 тыс. – в Германии. Пока идёт борьба за молодую рабочую силу, но завтра эти молодые руки могут понадобиться, чтобы держать автоматы в новой Большой игре с участием большого количества игроков. Пролетарский интернационализм должен найти путь и к этому молодому отряду класса наёмных рабочих.

Теоретические и сражения Арриго

Публикуем отрывок из предисловия к готовящемуся изданию избранных работ Арриго Черветто.

I

Арриго Черветто был основателем, теоретиком и лидером Lotta Comunista. Его политическая биография, начавшаяся в 1943–1944 годах с участия в партизанской войне и продолжавшаяся до самой смерти в феврале 1995 года, охватывает более полувека и может быть сведена к двадцати ключевым битвам. Разумеется, эти сражения, направленные на восстановление и развитие марксистской теории – в области экономики, политики, социальных преобразований и международных отношений – проходят красной нитью через всю представленную подборку его трудов. До 1980 года свидетельством этого служат “Тетради 1981–1982 годов”, содержащие его воспоминания.

Первый бой, завод и партизанская война

Арриго Черветто родился в апреле 1927 года в Буэнос-Айресе, в семье эмигрантов, переехавших из Савоны в Аргентину – факт, который впоследствии оказал влияние на его взгляды на международную политику. Его первые важные жизненные впечатления в Савоне были связаны с фабрикой и войной. В начале 1943 года он поступил учеником на сталелитейный завод “Ilva”. В “Тетрадах” он описывает, как в цехах сгущались «настроения протеста против войны и фашизма», а также идеи «в общих чертах понятия коммунизма», где для всех «Россия была мифом». Эта «простая идея», символизируемая «песнями протеста» и стремлением к «равенству» и «свободе», начиная с фабрики и старых милитантов ИКП через Черветто стала ориентиром для первой группы «молодых коммунистов» в районе Виллапьяна, которые вскоре перешли к партизанской борьбе.

Эти страницы также рассказывают нам о моральном факторе, который направлял Черветто в его отношении к рабочему классу, частью которого он был, и о его убеждённости – когда он попробовал свои силы в качестве историка рабочего движения и Сопротивления в районе Савоны, – что он может быть их рупором. Эти работы были собраны и опубликованы в 2005 году в сборнике “Ricerche e scritti. Savona operaia dalle lotte della Siderurgica alla Resistenza”. В состав “Избранных произведений” вошли только общее предисловие и статья “Сопротивление – пленник Ялты”, поскольку очевидно, что эти эссе представляют собой нечто большее, чем просто локальную историографию.

Приведём отрывок из “Тетрадей”: «Я работал на “Ilva” в ночную смену. В первый же раз мне показалось, что это настоящий ад: машины не останавливались ни на секунду, а струи расплавленной стали осыпали весь цех искрами. Я боялся уснуть, потому что один парень, заснув, был искалечен арматурой, заскочившей с вагонетки – он даже не успел ничего понять. Другого парня, жившего в моём квартале, насмерть раздавило ковшом.

Позднее, в одном из первых моих эссе о борьбе рабочих, проявлявшейся, начиная с 1861 г., я подчеркнул то, что первая стихийная забастовка на заводе “Siderurgica” была протестом и проходила в знак солидарности в ответ на смертельные несчастные случаи на производстве. Обычно работа продолжалась, как только уносили тела погибших, но в тот раз рабочие остановились. Секретарь епископа, глубокий знаток местной истории, сказал мне, что я привёл историографическое свидетельство забастовки, произошедшей не по экономическим причинам, а на основе традиционных христианских ценностей. Я ответил ему, что солидарность в этом случае имела антагонистический характер, поскольку она была проявлена не только по отношению к кому-то, но и против кого-то. Секрет прост: на этих страницах было то, что я сам пережил. Историки Библиотеки Фельтринелли писали мне, в том числе и в других случаях, потому что находили на моих страницах дух класса, который нельзя было найти в других сочинениях на аналогичную тему, даже если они и характеризовались большей эрудицией. Секрет прост: на этих страницах было то, что я сам пережил. Был труп юноши, покрытого красноватой пылью литейного цеха. Был мой дед, получивший серьёзную травму на прокатном стане. Был кусок арматуры, из-за которого я лишился ногтя на ноге, были те холодные утра, когда даже над морем появлялся туман, и жаркие летние дни, проведённые на “Ilva”. Наконец, такие вещи, которые не имеют значения для официальной истории, и те люди, которые никогда не имели ни имени, ни голоса, смогли заговорить – через мой мозг, который думал, и через мою руку, которая писала. Многочисленные фрагменты действительности смешивались в мельчайшей пыли жизни миллионов людей и распылялись на ветру времени концентрировались в моём мозгу и принимали форму в моих записях. Я пытался придать им осознанность. Страсти для этого не требовалось: её полнотой давали они. В этом заключалась и заключается вся моя гордость: быть инструментом реванша всех тех, кто обречён на безвестность, и кто остаётся лишь в материальной цивилизации, в мире, где превозносится индивидуум, но только чтобы возвысить тех немногих, кто имеет вес. Это мир, где отдельный индивидуум не осознаёт, что он сам есть результат миллионов индивидуумов, предшествовавших ему, и то, что он есть, во что он одевается, то, что использует, является результатом коллективного труда, который длится веками.

Он ходит по тротуарам и асфальту, поднимается по лестнице, включает свет, звонит по телефону, смотрит телевизор, слушает музыку – и использует не только то, что в этот момент производят миллионы человек, но, в крайней мере, в четыре или пять раз больше – использует то, что было произведено миллионами людей, которых больше нет. Душу эти люди оставили в своей работе. Священники ищут её на небе и препятствуют тому, чтобы кто-то видел её на земле, на тротуаре под их ногами. Результаты человеческого труда – бессмертны, и бессмертны человека – в его труде. Когда его тело деградирует и

распадается на уже неорганизованную материю, человек продолжает жить в том, что он создал. Его труд не может разложиться и исчезнуть, потому что в нём нуждаются и его используют те, кто приходит после. Не осознавая этого, они продолжают его дело – также как, не осознавая, несут в себе гены, которым миллионы лет, и каждая их клетка воспроизводит лишь то, что старая ей позволила произвести.

Известен труд лишь очень малого числа людей. Только очень малому числу обеспечена память. Остальные – почти все – уходят в великую братскую могилу человеческого рода. И всё же история является прошлым этой братской могилы. История, – говорит Маркс, – это история борьбы классов. Без исследования этого великого кладбища невозможно понять, что происходило на самом деле. Внимание уделяют лишь самым заметным могилам, не видя бескрайнего кладбища прошлого. Кто знаком с теми миллиардами людей, которые говорят только результатами своего труда? И как услышать их голоса, если не умеешь слушать биение сердца производительных сил?

Я не знал этих вещей, когда в далёком 1943 году пошёл работать на “Ilva” в ночную смену. Но я их чувствовал, они были частью моего характера и моей человеческой жизни. Может быть, именно потому, что я был настолько животным, мне и удавалось чуть-чуть быть человеком. Читая некоторые марксистские тексты и многие книги по истории, мне удалось познакомиться с этими мыслями, у меня получилось дать логическое выражение всему тому, что было беспорядочно выражено в страсти. Страницы истории классового противостояния обрушивались на меня потоком свежей воды. Мне казалось, что я пережил их. Я ходил по улице, мысленно говоря с тысячами неизвестных персонажей этих страниц. Я погрузился в старые библиотечные газеты и продолжал диалог с людьми, которые ходили по тем же улицам, по которым ходил и я. После стольких лет я вновь встретил своего деда. У меня не было денег, но это были самые богатые дни моей юности. Я был молодым среди стариков прошлого и стариком среди современной молодёжи. И когда я делал первые выводы из этих исследований, страсть и разум сливались в радости по поводу того, что, наконец, я давал голос тем, кто никогда не имел его при жизни. Я был убеждён, что являюсь их рупором».

Черветто считал днём своего политического крещения 25 июля 1943 года. Именно тогда, на демонстрациях по случаю падения Муссолини, а затем на улицах 8 сентября, у него созрело решение присоединиться – спустя несколько месяцев – к партизанским отрядам: «Для нас не составило труда выйти на улицы 25 июля. Из казармы фашистской милиции начали стрелять. Одна женщина упала мёртвой, другие были ранены. Гуидо пуля пронзила ногу. Казалось, что всё закончилось, но всё ещё только должно было начаться. Ещё мы готовили листовки. В скором времени начали запасаться оружием.

8 сентября опустели казармы; люди бежали, чтобы взять одеяла, форму, обувь, мешки с макаронами и сахаром. Они были похожи на муравьёв. Немцы смо-

трели, а некоторые из них смеялись. Мы нашли винтовки и боеприпасы. Радовались так, будто наткнулись на клад Мампрочета¹. Мы думали вооружить повстанческую армию, но эти винтовки, под тысячами предложений, никто не хотел брать. Так начиналось моё реальное политическое ученичество – со слёз разочарования. Мечта теряла свою невинность, и реальность навязывала себя со всей жестокостью. Мы ругали всех и никому не доверяли. Чёрные дни гнева и одиночества. Они быстро проходили. Сознание и наивность возраста заявляли о себе. Мы вновь начали шутить и убеждать себя, что, в конце концов, так было лучше. Мы были маленькой группой, хорошо знали друг друга и чувствовали себя сильными. Мы были сильны лишь волей. Так мы бросили вызов фашистам.

Я вновь обдумываю всё, и мне это кажется нереальным. Если бы я не пережил это, то с трудом бы поверил, потому что всё это выходит за рамки любой логики. Тем не менее, в те месяцы и в том рабочем районе группа молодых людей вбила себе в голову, что необходимо бросить вызов фашистам. Бывало, по ночам они ошалело стреляли, крича: “Труссы, выходите!” А мы смеялись, представляя, как мясник с рыночной площади найдёт на утро свою железную ставню, изрешечённую пулями».

В мае 1944 года Черветто присоединился к партизанам, действовавшим в горах за Савонной и в Ланге в Нижнем Пьемонте; он был дважды ранен, в то время как от трети до половины этой группы «молодых коммунистов» из его района погибли в Сопротивлении. Другие отрывки из “Тетрадей” дают представление о том, насколько этот военный опыт оказал влияние на глубокие убеждения Черветто: «Я, который кое-что читал, был политиком группы, и таким меня продолжали видеть на протяжении многих лет Пьеро и Нино [Пьеро Паризотто и Антонио “Нино” Больяни] – с безграничным доверием, которое стало самым значимым, что они мне дали. Они продолжали смотреть на меня так же, как в дни борьбы, когда доверие было связано с человеком, а не с тем, что он сказал. “Это сказал Арриго”. Я, возможно, говорил очевидное, но это не имело для них значения. Они доверяли тому, что я делал. То, что я говорил, было лишь следствием. Когда рискуешь жизнью, политические отношения сводятся к их сущности. Всё зависит от отношения между людьми, которые действуют вместе, и всё следует из того, как эти люди оценивают друг друга. Трудно представить себе, насколько такое суждение бывает решающим и исключительным в определённые моменты. В нормальной политической деятельности, когда за ошибки расплачиваются, но не жизнью, доверие не может быть таким же, как в особенные моменты. И всё же именно в эти моменты характеры людей проверяются огнём и становятся видны во всей их красе. Характеры обостряются. Кто боится, выхода нет – боится, кто нерешителен, никуда не денешься – нерешителен. Кто отступает – тот отступает, и много не будет. Когда политика становится настолько рискованным делом, отношения между людьми становятся гиперчувствительными и при-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ Черветто

обретают животное чувство. Доверие и недоверие – две стороны этого чувства. Чутьё может сыграть злую шутку, но если вы выжили, значит в большей мере оно было полезным, так как, в любом случае, было неотъемлемым.

Исключительные моменты проходят, политика поднимается до уровня рациональности, но и самый рациональный политик будет тем больше обращаться к страсти, чем больше его борьба будет становиться исключительной. Всегда приходит время, когда люди в политической борьбе вынуждены обращаться к своим самым глубоким внутренним ресурсам. Так же и классы, и их партии».

«У немецких солдат, выслеживавших меня, я научился сражаться, чтобы не мешал дождь; у немецких миномётчиков в бою под Кастино я узнал, что существует такая точность стрельбы, при которой я просто взлечу на воздух, если после второго выстрела не покину свою позицию; у фашиста, который перед расстрелом поблагодарил нас за то, что мы приказали не пытаться его, я узнал, как глубоко может быть укоренён националистический фанатизм; у смелого и справедливоего командира из рабочих, который выманивал жизнь для членов дивизии Сан Марко, захваченных в плен, чтобы отомстить за убитого во время пыток и унижений молодого товарища, я научился человеческому мужеству плакать, чтобы жестокие законы борьбы не привели к бесполезным жертвам из-за вспышки ярости; от командира, который дрожал как лист, внезапно передавая мне какой-то недоверчивый ужас – в то время как я [был] подчинённым и юношей, перед которым стоял взрослый мужчина и уважаемый начальник, – я узнал, что нельзя самоуверенно распоряжаться жизнями других людей, если у тебя нет природных качеств, которые позволяют это делать».

Война и Соппротивление стали первым сражением Черветто и той первой группы молодых людей. Но если в тех трагических и исключительных обстоятельствах их увлекла политическая страсть, то решающим фактом остаётся то, что они были охвачены ею без истинного осознания происходящего: «Находясь в неведении относительно действительного содержания той империалистической войны и цепляясь за мифы, которые без труда порождает диалектика противостояния, мы были маленькими листочками в бурных ветрах, которые дуют по всему миру. С нами или без нас эти ветра продолжали бы свой путь. Но страсть, пусть и листка, остаётся страстью. Она часть человека. Направленная, она становится мощным политическим фактором. Политика – это борьба, а не академическое упражнение, поскольку никто не будет рисковать даже волосом ради простой политической гипотезы. Только страсть заставляет рисковать головой. В конечном итоге успех ждёт того, у кого будет больше страсти. Политикан-скептик, измеряющий других своим мерлом и неспособный представить себе страстей, движущих другими, обречён на то, чтобы оказаться сбитым с ног явлениями, которые он недооценивает и над которыми насмехается. До тех пор, пока будет идти ожесточённая социальная и политическая борьба, страсть будет стиму-

лировать наиболее жаждущих молодых людей в тёмные ночи и на тёмных улицах рабочего квартала в промышленном городе. Не должно случиться так, что на рассвете они будут спрашивать себя, почему день оказался совсем иным, и терять много лет на изучение, в состоянии безнадежности, как это произошло.

С того времени я посвятил свою жизнь тому, чтобы дать выход политическим соображениям, стратегии, расчётливой борьбе, своей страсти и страсти поколений, которые придут следом».

Из этого первого, основополагающего для политической судьбы Черветто сражения можно сделать два вывода. Первый – это его убежденность в том, что без страсти не может быть революционной борьбы, но эта страсть должна быть ориентирована и дисциплинирована «политическим разумом» и стратегией. Спустя несколько десятилетий, в 1980-х годах, призывая к привлечению в партию третьего поколения, Черветто утверждал, что молодёжь может быть привлечена к Lotta Comunista как к «партии научного порядка», находя в ней «страсть к теории, страсть к борьбе», «вкус к пониманию, вкус к сражению». В этом призыве соединить науку и борьбу звучал и урок, извлечённый из его участия в партизанской войне.

И вот второй вывод из этого сражения. Эта горстка молодых рабочих, которая дала жизнь группе, стоявшей у истоков Lotta Comunista, начала борьбу в идеологическом тумане Ялтинского раздела, где мифом для всех была Россия. Но та «простая идея», движимая страстью – стремление к понимаемому в общих чертах коммунизму – обернулась ловушкой и иллюзией: в СССР эти идеалы были подменены, превращены в инструмент государственного капитализма, а ялтинский сговор явился империалистическим разделом Европы, подававшимся как расширение «социалистического лагеря». Урок, извлечённый Черветто, заключался в том, что он никогда больше не позволит делать себя инструментом в чужих руках.

Через несколько лет это переросло в убеждение, что только наука Маркса вместе с ленинистской организацией и их видением стратегии может укоренить стратегически независимое от любого влияния революционное меньшинство. Сначала это привело к выходу Черветто из ИКП, в которой он недолго был милитантом после 25 апреля 1945 года, и заставило его искать другой, не сталинский коммунизм в либертарной среде ИАФ, Итальянской анархистской федерации.

Корейская война и политическая борьба в либертарном коммунизме

В анархистском движении в Савоне, сложившемся вокруг авторитетной фигуры Умберто Мардзоки, Черветто станет душой молодёжной группы «Ни бога, ни хозяина»; благодаря ней он познакомится с Лоренцо Пароди, рабочим компании Ansaldo, связанным с генуэзскими либертарианцами, и с Пьером Карло Мазини. Тосканский интеллигент из либерально-социалистического мира, Мазини после недолгого пребывания в ИКП во Флоренции примкнул к анархизму в знак протеста против «поворота в Салерно»

Пальмиро Тольятти и стал редактором *Gioventù anarchica* и *Umanità Nova*.

Черветто и Мазини станут ключевыми фигурами АГПД, Анархистских групп пролетарского действия, целью которых было просеять среду либертарного коммунизма в поисках сил, готовых к организованному милитантству, ориентированному на класс и порвавшему с мелкобуржуазной, индивидуалистической и антиорганизационной стороной этой традиции.

Правда, взгляды Мазини и Черветто довольно быстро разойдутся: первый будет искать теоретические и политические решения в либертарианстве, а второй уже в июне 1949 года напишет, что считает себя «марксистом-анархистом». С 1950 года интернационалистская борьба вокруг Корейской войны станет определяющим моментом для этого политического объединения: «Сидя за барным столиком под открытым небом в сквере, мы с Мазини строили грандиозные планы. В те дни началась Корейская война. В жару того июньского дня Мазини читал мне передовицу, построенную вокруг лозунга «Ни Вашингтон, ни Москва», и я был доволен. Он говорил мне, что даже небольшая группа молодых рабочих, таких как я, может сыграть решающую роль в том бурном будущем, которое ждёт нас впереди, поскольку старшие поколения были переломлены идеологиями, которым суждено разрушиться под напором стремительного движения мировой действительности. Мы привели немало исторических прецедентов и, в частности, переломный 1914 год. Бывают моменты, сказал Мазини, когда группа решительных людей с железной волей, наделённых ясными идеями, может увидеть больше, чем все остальные, обусловленные тысячей традиций и политических привычек. Мы должны работать над тем, чтобы собрать этих людей вместе».

Вердикт, который Черветто выносит в отношении Мазини, отличается большим благородством: он прежде всего признаёт, насколько глубокие исторические знания Мазини позволили тому обратиться к марксистской теории и анализу Амадео Бордиги, избежав при этом ликвидаторской неадекватности бордигистской концепции партии как простого хранителя программы и парализующей идеи тоталитарного господства американского империализма: «Прошло много лет. Мазини теперь признанный историк, собирает награды; он один из «бестселлеров», как я говорю в шутку Пароди, а мы оба таковыми не являемся. Он либеральный демократ. Я политически боролся с ним, потому что это нужно было делать, но никогда не критиковал в личном плане, даже если другие делали это».

В том далёком 1950 году он, без сомнения, был тем, кто лучше других смог понять мой характер, мой опыт, мою целеустремлённость. Он не льстил мне и не поощрял меня. Часто критиковал меня, как и я критиковал его. Он рационально подталкивал то, что могло и должно было быть направлено на практические и конкретные цели и что в противном случае осталось бы невыраженным. Его познания в истории не носили общий характер, как у Бордиги, но касались част-

ностей, в том числе биографических, которые я спрашивал у него, чтобы сравнить их с практикой, которая была мне знакома. Это стимулировало меня.

Мне было ясно, что в мире господствует унитарный империализм. Верчези и Бордига представляли его в качестве тоталитарного монстра, и я не мог понять, с какой стороны к нему, такому всеильному, можно было подступить. Возможно, следовало ждать, пока он разрушится сам по себе, думал я, но эта перспектива могла слабо удовлетворить мой разум и никак не удовлетворяла мою страсть. Мазини же говорил мне, что анализ Бордиги был наиболее острым из всего того, что рабочее движение когда-либо выразило, но и самым «скептическим» в плане действия. Мы должны были схватиться за этот анализ, как за оружие, с упорной волей и решимостью. Как его можно было перевести в плоскость действительного движения, нас учила история.

По мере того, как Мазини погружался в детали своих исторических примеров, я выходил из тумана теории и уходил вглубь себя. По сути, восемь лет назад я начинал таким же образом. Это было дряхлое общество, которому бросала вызов горстка неподготовленных юносов. Но, пожалуй, это было то же самое общество, подорванное в своей основе, которому группа молодёжи, подготовленная теперь пятью годами размышлений, решилась бросить вызов.

Мы радостно попрощались на станции».

Lotta comunista, май 2025 г.

1 – Остров из произведений итальянского приключенческого писателя Эмилио Сальгари (1862–1911).

Джанлука Де Симоне

Большой Средний Восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

“За революционную оппо

Мы продолжаем знакомить наших читателей с публикуемыми впервые документами нашей марксистской школы. Доклад Черветто на 2-й конференции Движения коммунистической левой, состоявшейся в Риме 30 июня 1962 года представляет собой ещё один наглядный пример использования марксистского метода, связывающего анализ капиталистического развития и социальных изменений с задачами революционного меньшинства в конкретный исторический момент.

Происходит формирование всё более многочисленного пролетариата с ярко выраженным участием молодёжи и женщин. Этот пролетариат формируется не только в промышленном треугольнике [данные], но и в других регионах Центральной Италии [Эмилия, Лацио и т. д.: данные] и Юга [данные об индустриализации и полюсах развития].

Более того, даже в сельской местности традиционный сельскохозяйственный пролетариат пережил процесс технологического преобразования, который значительно сблизил его по специализации с промышленным пролетариатом.

Необходимо проанализировать две формы пролетаризации: увеличение доли “белых воротничков” в промышленности и расширение использования наёмного труда в сфере услуг [...]. В 1956 году эти две тенденции были истолкованы нахлынувшей волной оппортунизма как рост некоего “среднего класса”, с которым, якобы, необходимо было объединиться и слиться на “итальянском демократическом пути к социализму” (существует бесконечное множество теорий такого рода: от ИСП – открытых сторонников “неокапитализма”, – до ИКП и различных ревизионистских групп с парадом собственных журналов).

Мы отвечали на это, что, за редкими исключениями, связанными с особыми формами капиталистического развития в Италии, “генеральная линия” капитализма могла лишь следовать англосаксонской модели (ещё Маркс указывал на США и Англию как на образцовые капиталистические общества [...]).

Речь не идёт о некоей упрощённой схеме, но в общих чертах США – это то общество, к которому мы придём через несколько лет. Мы должны учитывать это в нашем экономическом и политическом анализе, чтобы очистить почву от множества ложных вопросов и овладеть более совершенной марксистской методологией. Марксисты работали с “Капиталом” в то время, когда он служил анатомией Англии, и многие обнаруживали национальные особенности (вспомним полемику Ленина с народниками о путях капиталистического развития России). Марксисты оказались правы. Сегодня в качестве канвы мы имеем США. Мы должны уметь работать с отдельными формами (и только формами) итальянского и европейского развития вокруг этой канвы. Причём наша задача значительно облегчается тем, что мы знаем, как развивается итальянское общество. Тогда мы привели данные о процессе пролетаризации в США и Англии (а также о соответствующем обезлюживании деревни). Шесть лет подтвердили эту общую тенденцию. Сейчас уже почти никто не теоретизирует о развитии “среднего класса”, а дискуссия в Институте Грамши между правыми и левыми оппортунистическими течениями велась вокруг проблем пролетаризации, которые мы обозначили. Трентин¹ теперь отказался от концепции независимого “среднего класса” и говорит о “технических специалистах”, с которыми нужно объединяться в борьбе против “отчуждения”, вызванного монополиями [...]. Тем не менее необходимо снова и снова утверждать правоту марксистской теории о неизбежном исчезновении мелкой буржуазии как элемента производственной сферы. [...] Даже развитие мелкого производства (промышленного, ремесленного, сельскохозяйственного) уже является автономным, а подчинено крупному капиталистическому производству и координируется с ним (как финансово, так и

технически). Развитие пролетаризации, таким образом, обостряет основное противоречие между обобществлением процесса производства и производственными отношениями.

В отличие от прежних кризисов, теперь появляется новый фактор: высокая степень постоянной и органической пролетаризации. Именно этот фактор, а не просто высокий уровень пролетаризации, становится определяющим. То, что окончательно вовлекает все социальные силы в водоворот кризиса, – это не столько стагнация или паралич капиталистической экономики (с вытекающей отсюда безработицей и т. д.), сколько невозможность найти даже кратковременное решение, момент передышки в виде расслоения общества, демобилизации пролетариата и его перехода в другие страты.

На данный момент это является одновременно и причиной, и следствием расширения внутреннего рынка (миллионы людей урбанизируются, оставляют натуральное или полунатуральное хозяйство мелкого сельскохозяйственного производства, дают мощный импульс капиталистическому меркантильному потреблению (жильё, услуги, автомобили, электроприборы) промышленных товаров и продуктов питания (сельское хозяйство всё больше втягивается в оборот крупного капиталистического агропромышленного комплекса, вытесняя мелких производителей).

Рост потребительского спроса – один из факторов высоких темпов промышленного развития, а поскольку ресурс рабочей силы огромен, можно ожидать, что они будут поддерживаться выше и дольше, чем в других странах Общего рынка. Кроме того, высокая доля экспортируемой промышленной продукции в общем объёме промышленного производства свидетельствует о том, что Италия становится индустриальной платформой для завоевания отсталого африканского рынка. На наш взгляд, учитывая низкую восприимчивость этого рынка и сильную империалистическую конкуренцию, можно предположить, что эта тенденция будет очень медленной и что в ближайшей перспективе главным двигателем итальянской промышленности останется внутренний рынок, а не экспорт в отсталые страны (впрочем, этот вопрос требует отдельного изучения).

В любом случае эти две тенденции идут параллельно и подпитывают друг друга. Можно предположить, что в определённый момент потребность в экспансии за пределами внутреннего рынка возобладает, особенно когда внутренний рынок окажется насыщенным. Тогда империалистическая зрелость Италии и её конкурентная агрессивность будут усилены, особенно в тот момент, когда зрелость и экспортные амбиции других стран будут превосходить итальянские (что, впрочем, происходит уже сейчас), а мировой рынок окажется неспособным вместить всех претендентов. Тогда мы увидим первые симптомы кризиса и сильную политическую подвижность (движение мелкой буржуазии, которой будет нанесён удар; прежде всего, она лишится возможности спокойно использовать небольшие доли “капиталистического богатства”, кризис мелкобуржуазного реформизма, создание массовой базы фашизма и т. д.).

Если у пролетариата или хотя бы у значительной его части есть шанс депролетаризоваться, если у него есть объективная возможность одной ногой оставаться в деревне, тогда, чтобы спасти себя физически, он вернётся туда обеими ногами (именно это происходило во время всех крупных кризисов капитализма, вплоть до 1920 года в России – и неспособность понять этот процесс является одним из ключевых изъянов “теории краха”). Ни один класс физически не погибает от экономического паралича. Человек возвращается к земле, чтобы прокормить себя. Если пролетариат не найдёт партию, которая организует его в единую штурмовую массу в условиях экономического маразма, если над ним сохранится гегемония оппортунизма, он рассыплется. (В этом, возможно, кроется ответ на один из важнейших революционных вопросов: почему в 1918 году Россия осталась в

изоляции?) Чтобы кризис мог привести лишь к окончательному решению, нельзя оставлять социальным классам никакого выбора, кроме прямого лобового столкновения.

Так учил Ленин, и об этом часто забывают: пролетариат должен осознать, что возврата назад нет. Он непрерывно должен идти вперёд, и поэтому его целеустремлённая стихийность непрерывно становится революционной силой и подпитывает свою партию, подпитывает своё руководство, темпы отбора руководящих групп становятся тем быстрее и беспощаднее, чем более повелительным и принудительным становится стремление идти вперёд (темп революции становится тем выше, чем быстрее развивается экономический цикл в стране, где производительные силы достигли такого уровня, что их длительная остановка оборачивается уже не просто кризисом, а крахом всей цивилизации и возвращением к варварству. Россия благодаря своей огромной деревне могла сопротивляться годами, Европа – нет, справедливо указывал Троцкий).

Тенденции капиталистического развития Италии закладывают объективные основы для того, чтобы пролетариат не распался в условиях кризиса. По мере развития капиталистических сельскохозяйственных предприятий будет неотвратимо разорвана пуповина, связывавшая пролетариат с сельским хозяйством. Итальянская экономика будет всё больше зависеть от мировой торговли в рамках международного разделения труда. Кризис не оставит пространства для отступления, не в последнюю очередь потому, что по своей природе он будет носить международный характер. Эта перспектива, являющаяся результатом анализа тенденций капиталистического развития (иначе зачем бы нужен был этот анализ?), ставит на чрезвычайно важный уровень – ещё более остро, чем в прошлом – проблему взаимоотношений между партией и классом, то есть проблему присутствия и научной роли партии, проблему стихийности.

Классовая борьба в Италии

Каковы особенности нынешнего этапа классовой борьбы?

И какими будут характеристики её будущего развития?

Определение характеристик хода классовой борьбы означает, по сути, определение отношений между партией и классом в конкретный момент. Это означает помещение этих отношений на конкретно историческую почву.

Основными характеристиками мы считаем следующие:

а) Формирование рынка рабочей силы на определённом уровне, на который воздействуют многочисленные сложные факторы.

В сущности, можно сказать, что формирование этого рынка имеет тенденцию к повышению стоимости рабочей силы (меновая стоимость средств существования и воспроизводства рабочей силы), к повышению цены рабочей силы (цена – это денежное выражение стоимости рабочей силы, но, как объясняет Маркс, стоимость рабочей силы никогда не реализуется полностью через цену, поэтому борьба за реализацию стоимости идёт всегда). Поэтому не политика так называемой “высокой заработной платы” расширяет капиталистический рынок (как если бы рынок сводился только к потреблению товаров, а не был прежде всего рынком рабочей силы как товара!), а, напротив, цена рабочей силы на рынке определяет политику высокой заработной платы. Идеалистическое мышление часто путает проявление с причиной, и на эту ошибку нередко наталкивается даже революционная критика оппортунизма. Революционная критика считает, будто неоконформизм повышает зарплаты, чтобы проводить реформистскую политику в отношении рабочего класса и расширить рынок сбыта промышленных товаров длительного пользования. То, что рост зарплат наблюдается прежде всего в автомобильной промышленности (Ford-FIAT), вводит в заблуждение. В действительности заработная плата (= цена рабочей силы) опре-

деляется рынком, а не потреблением. Некоторые отрасли с высоким органическим строением капитала могут устанавливать цену (зарплату) за специализированную рабочую силу выше, чем в среднем по стране. Но цена рабочей силы (и её потребление) зависит от национального рынка и его развития (а также напрямую – от промышленной резервной армии, т. е. промышленной безработицы, и косвенно – от неполной крестьянской занятости).

Когда этот процесс развития будет исчерпан, когда цена рабочей силы приблизится к реализации её стоимости, начнётся обратное движение, т. е. дальнейший рост органического строения капитала и реформирование промышленной резервной армии (технологическая безработица, автоматизация, как в США). Цена рабочей силы, таким образом, пропорциональна её развитию. Сегодня в Италии она низкая.

б) Вот показательный вопрос: высокие темпы накопления и развития – и низкие зарплаты. Как такое возможно? Это явление характерно для раннего и стремительного периода накопления и пролетаризации. При наличии крестьянского резерва рабочей силы стабильный рынок труда не образуется. Мелкое производство ещё больше снижает цену рабочей силы по сравнению с её рыночной возможностью. Частичная урбанизация делает всё остальное.

в) Так мы подходим к третьей характерной черте: классовая борьба, типичная для высокого уровня индустриализации, но при этом с низким уровнем заработной платы и неадекватной профсоюзной организацией. Отсюда её радикализация (низкий уровень зарплаты) и её стихийность (отсутствие профсоюзов). Может ли существовать такое несоответствие? Мы считаем, что да, по крайней мере на какое-то время.

Низкая заработная плата. Бурная пролетаризация всё ещё продолжается в условиях хаоса на рынке труда и в его структуре, усугубляемого существованием так называемого “архаичного капитализма” (исторический пример тому – США 1910–1920 годов, время большой транскокеанской иммиграции и, соответственно, нестабильного и хаотичного рынка труда. Наибольшая стабильность наблюдается в традиционных секторах – традиционные и специализированные рабочие, давно организованные в старые профсоюзы “по профессиональному признаку”. Новая неквалифицированная и иммигрантская рабочая сила несиндикализована и вступает в конфликт с “отраслевыми профсоюзами”, которые осуществляют своего рода профсоюзный протекционизм. В тридцатые годы она станет манёвренной массой нового “отраслевого профсоюза” – КПП Льюиса и “Нового курса”²).

Таким образом, даже на рынке труда мы можем иметь узкие места, несоответствие между “оптовыми” и “розничными ценами”, трудности в установлении средних цен на национальном рынке. Это приводит к тому, что в борьбе рабочих сходятся два направления: тред-юнионистское стремление верхних слоёв к повышению уровня потребления и живая потребность выйти из области “низкой заработной платы”, не соответствующей состоянию рынка и частичной ситуации полной занятости. В этом смысле борьба рабочих является проявлением мобильности рабочей силы.

Стихийность. Она вытекает из объективной ситуации, которую мы проанализировали. Это тред-юнионистская стихийность, характеризующаяся недоверием к профсоюзам, поскольку у них нет организации, способной распространяться, заявлять о себе, навязывать себя.

Это не принципиальное недоверие, которое предполагало бы высокую степень политизации, – скорее, это недоверие к тому, чего просто нет. К этому добавляется отражённое недоверие к партийности профсоюзов (профсоюзы как выражение партий), что является следствием неформального политического антипарламентского индифферентизма (типа французского, но гораздо менее сильного) или, лучше сказать, отсутствия интереса к официальной политике. Если для

ЗИЩИЮ ЛЕВОЦЕНТРИСТАМ”

электоральной политики достаточно одного бюрократического аппарата, поскольку она не предполагает стихийности, то в рабочей борьбе бюрократический аппарат либо опирается на низовых активистов (которые ещё были вчера, но сегодня исчезают), либо должен опираться на структурированное профсоюзное законодательство и специализированную государственную бюрократию (вроде Министерства труда США с его обширными функциями и организацией). В Италии эволюция этих надстроек находится на той же стадии, что и хаос на рынке труда.

Отсюда сильная стихийность, которая сохраняется в ближайшие годы и даже с экстремальными пиками. Эволюция надстроек, с другой стороны, происходит медленнее, чем эволюция базиса. Более того, эту эволюцию тормозят:

1) Традиция политизированности и партийности профсоюзов и профсоюзных масс, при которой “политическое сознание” и “профсоюзное сознание” означают одно и то же, члены партии – это члены профсоюза, а следовательно, “профсоюзного сознания” не существует в принципе (опрос, проведённый в 1962 году ACLI³ в Турине, т. е. в одном из крупнейших рабочих центров, итальянском Детройте, показал, что только 25 % рабочих являются членами профсоюза, и лишь 19 % интересуются политикой). Поэтому в профсоюзы вступают только те, кто интересуется политикой).

2) Эта традиция давит не только на массы, но и на профсоюзную бюрократию, представляющую собой сборную партийную бюрократию, неспособную и неопытную в вопросах рынка труда, бюрократию, лояльную партиям, которые её “пристраивают”, бюрократию престарелую, лишённую специалистов по профсоюзной работе. Активисты являются слабой версией бюрократов, поскольку очень часто в бюрократы “выдвигают” именно активистов (“многостаночников”, занятых в профсоюзе, партии, обществе дружбы Италия – СССР и т. д.), и более того, они не могут установить организационный контакт с новым пролетариатом, который, вдобавок, отличается большей образованностью, информированностью и, следовательно, меньшей наивностью по сравнению с пожилыми активистами.

В силу тесных взаимосвязей в профсоюзах воспроизводится тот же негативный феномен, что и в партии, членами которой являются пожилые фидеисты, а молодого пополнения не хватает.

Это порождает замкнутый круг: политические активисты – профсоюзные активисты – профсоюзная бюрократия, что значительно задерживает формирование профсоюзной бюрократии американского типа. Стихийность рабочих – результат этой задержки. Даже в США, с совершенно другой профсоюзной бюрократией и с совершенно другими ресурсами, в 1930-е годы Льюису пришлось платить командам “профессиональных организаторов” (специалистов, подобных тем, что организуют коммерческие сети и рекламные кампании), чтобы продвигать КПП в новых промышленных зонах. В Италии объединённый профсоюз тоже придёт к этим организационным мерам, а если это не сделает он, то CISL⁴ придёт к ним самостоятельно.

3) Политическая традиция, переплетающаяся с рабочей стихийностью, может, однако, сыграть положительную роль для деятельности Революционной партии, которая участвует в борьбе рабочих, прежде всего, для формирования кадров. Необходимо ясно видеть тред-юнионистскую тенденцию рабочей стихийности в ходе текущей классовой борьбы, иначе мы закончим теориями “революционной стихийности” или практикой нового “максимализма” в рамках нашей тактики “революционной оппозиции левоцентристам”. Но вместе с тем мы должны уметь распознавать классовые корни и революционный потенциал в каждом эпизоде рабочей борьбы, какой бы стихийно тред-юнионистской она не была, иначе мы закончим теориями профсоюзного нео-абсентизма как раз

в тот момент, когда открываются возможности для революционных меньшинств.

Мы не принимаем тезис *Socialisme ou Barbarie*⁵ (выдвинутый Карданом и озвученный в *Quaderni Rossi*⁶), согласно которому на определённой стадии технологического развития, концентрации капитализма, иерархизации и бюрократизации предприятий и при высокой заработной плате – даже самое простое требование рабочих якобы бьёт в самое сердце противоречий производственной системы, сразу затрагивает фундаментальные отношения между капиталом и заработной платой и становится объективно революционным, то есть якобы уже не может быть объективно профсоюзным (как утверждал Ленин, но, по мнению Кардана, это было справедливо лишь тогда, на прежнем уровне производства, а сегодня уже не актуально и преодолено).

Принять этот тезис – значит свести всё к фабрике и игнорировать капиталистическую государственную организацию, не видеть неравномерного развития капитализма и пролетариата, значит отменить, как это делает Кардан, ленинистскую концепцию партии (которая рассматривает тред-юнионистскую стихийность в качестве необходимой предпосылки) в пользу “неопределённой революционной организации”, рабочих советов, низовых комитетов и тому подобного.

Это означает желание реализовать классовое единство не в партии, а в наиболее технологически развитых отраслях (что абсурдно и неисполнимо). Мы ясно видим разницу между стихийностью, свойственной определённому уровню производственного и организационного развития, и стихийностью, проникшей на более высокий уровень. Именно потому, что классовая борьба – величайшее противоречие капитализма, она становится тем острее и болезненнее, тем глубже проникает в сердце этой системы, чем более дряхлым и изношенным становится сам капитализм. Так происходит и в контрреволюционный период, например, в нынешний, и именно по этой причине нынешняя контрреволюционная фаза, в отличие от предыдущих, характеризуется более острой и взрывоопасной по своему содержанию классовой борьбой, несмотря на явно выраженную тенденцию к тред-юнионизму. Это может показаться формальным противоречием, но с диалектической точки зрения это не так. Именно поэтому сегодня политическая работа революционных групп в рабочем движении возможна даже в большей степени, чем вчера.

Однако вопреки мнению стихийников – и даже на основании тех немногих аспектов, которые они по отдельности улавливают, но не способны связать в единую стратегическую концепцию, – ленинистская функция партии становится ещё более необходимой, ещё более актуальной, чем ранее. И именно особенный, противоречивый характер рабочей стихийности отражает – на уровне “зачаточного классового сознания” – накопление взрывных противоречий капиталистического процесса производства (максимальное противоречие между развитием производительных сил и производственных отношений) именно в контрреволюционной фазе (то есть в фазе экономического развития, усиливающей накопление противоречий и проявляющей все симптомы будущего кризиса – если бы это было не так, кризис был бы для нас чем-то внезапным и неизвестным). Именно этот особый стихийный характер классовой борьбы в нынешней контрреволюционной фазе ещё острее ставит вопрос о роли партии, делает её подготовку и присутствие абсолютно необходимыми.

Развитие производительных сил и нарастающая стихийность рабочего движения на всё более противоречивой социальной почве в конечном счёте ставит отношения партии и класса на более высокую ступень, потому что выше и сложнее становятся задачи (а значит, стратегия, тактика, подготовка), которые эти отношения должны решать.

Роль революционной партии в Италии

Роль революционной партии занимает центральное место. Именно на основе пони-

мания этой роли будет формироваться партия в Италии. Поэтому речь идёт не только о верности ленинистской концепции партии и не только о защите этой концепции от натиска ревизионистов и стихийничества.

Это, прежде всего, предложение альтернативы и инструмента для текущей и будущей классовой борьбы, чего стихийничество предложить не в состоянии. Без расширения сознания роли партии даже самая передовая рабочая стихийность (которую мы в известном смысле предвидим), даже самая открытая рабочая борьба, в силу общей тенденции, в которой они действуют, и в силу общих результатов, с которыми они столкнутся, закончится растерянностью, разочарованием, унынием и опасными поворотами на “стихийном фронте” (всегда подвижном, открытом, с неясными “начальным и конечным пунктами”).

Действие “стихийного фронта” справа от нас (“активистской” версии текущего курса классовой борьбы) – в качестве диафрагмы между нами и оппортунизмом – является вопросом, требующим решения на уровне концепции партии.

В полемике со стихийничеством мы конкретизируем и развиваем концепцию партии. Таким образом, в Италии концепция партии разрабатывается и реализуется в борьбе с бордигистским органическим централизмом с одной стороны и со стихийничеством – с другой.

Стихийничество в Италии было и будет ограниченным явлением, учитывая исторические традиции и присутствие революционных меньшинств, “малых революционных партий” с их “партийным духом”. Эти группы в определённой степени сумели привлечь к себе тех, кто в противном случае пополнил бы ряды стихийников и расширил бы так называемый “стихийный фронт”, который, по правде говоря, очень мал и не может даже сравниться ни с одной из трёх революционных “партийных групп” (*Quaderni Rossi* – это маленькая и совсем не однородная группа; *Unità Proletaria*⁷ – ещё меньше; *Democrazia Diretta*⁸ – то же, и вообще прекратила выход после третьего номера и т. д.), и, конечно, неадекватен реальной и, конечно, более широкой рабочей стихийности. Короче говоря, у стихийников есть определённое пространство, которое они не знают и не могут использовать, и которое вряд ли смогут использовать в полной мере. В любом случае, мы не боимся стихийничества: в условиях итальянской традиции и ситуации оно никогда не станет организованным явлением (как это было с USI⁹). Пространство, занимаемое “стихийниками”, было бы термометром реальной стихийности.

Мы всегда сможем работать со стихийностью, потому что у нас будет преимущество программы и организации, и нас никогда не будет затягивать в неё. Напротив, в определённой мере мы даже расширяем, что там, куда не дотягиваются три вышеупомянутые группы, стихийность сама оформится в организации стихийников.

Именно развитие классовой борьбы – в тех характеристиках, которые мы рассмотрели, и для тех задач, которые она ставит – будет всё больше и больше выдвигать необходимость в партии. Без партии, без анализа, который может дать только марксизм, организованный в форме партии, рабочие группы не смогут даже в малейшей степени понять социальные явления, вытекающие из империалистической фазы капитализма. Без этого анализа (который всё больше требует высокой степени марксистской подготовки) любая привязанная к “конкретике” стихийность, в конечном счёте, деградирует в разновидность оппортунизма (функция империалистической сверхприбыли и т. д.: то, что стихийники, упёршиеся взглядом в фабрику, не в состоянии увидеть).

Таким образом, процесс формирования партии осуществляется в двух направлениях.

а) Активное вмешательство в борьбу рабочих. На этой почве мы призываем всех революционных рабочих объединиться в “революционную оппозицию левоцентристам”. На

этой почве возможно сближение и фактическое взаимопонимание между всеми революционными группами. Так может произойти на почве профсоюзной фракции в CGIL¹⁰ (нашей фракции, или фракции всех революционеров).

б) Революционное единство (место встречи в рабочей борьбе). Мы всегда программно стремились к революционному единству. У нас много точек соприкосновения и много точек разногласий. Есть фундаментальные пункты, есть второстепенные. По фундаментальным пунктам до сих пор нет согласия. Но процесс революционного единства, то есть процесс идеологического единства, находится на той стадии, которая не может исключать медленного процесса объединения.

1 – Трентин Бруно (1926–2007) – итальянский профсоюзный и политический деятель. Член ЦК ИКП с 1960 г., депутат парламента с 1963 г. В 1962 г. был избран генеральным секретарём Fiom. Генеральный секретарь CGIL с 1988 по 1994 г. В 1999 г. избран в Европейский парламент по списку Левої демократии.

2 – Конгресс производственных профсоюзов (КПП) был основан в 1935 году с целью распространения профсоюзной организации на неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, но вскоре вступил в конфликт с лидерами Американской федерации труда (АФТ), которые были непреклонны, отстаивая создание профсоюза только для квалифицированных рабочих. В 1955 году произошло слияние с образованием АФТ – КПП. Джон Л. Льюис, президент профсоюза шахтёров и один из главных пропагандистов и вдохновителей нового профсоюза, был также первым председателем КПП.

3 – *Associazioni Cristiane Lavoratori Italiani* – Христианские ассоциации итальянских трудящихся.

4 – *Confederazione Italiana Sindacati Lavoratori* – Итальянская конфедерация профсоюзов трудящихся.

5 – “Социализм или Варварство” – Орган революционной критики и ориентации (как указано под названием) – журнал одноимённого французской политической группы, которая образовалась в марте 1949 года, порвав с французской секцией троцкистского IV Интернационала по вопросу о социальной природе СССР, признанного не «вырождающимся рабочим государством» и не «государственным капитализмом», а «бюрократическим капитализмом». В дальнейшем, в основном благодаря перу своего главного выразителя Поля Кардана (Корнелиуса Касториадиса), он стал пропагандистом крайней стихийности, отрицающей понятие ленинистской партии. Журнал перестал выходить в 1965 году.

6 – “Красные тетради” – журнал, основанный в 1961 году группой “еретиков” из ИСП и ИКП, включая Раньеро Панциери (1921–1964) и Марио Тронти (род. в 1931). Журнал, имевший ориентацию стихийного операизма, издавался с 1961 по 1966 год Институтом Родольфо Моранди в Милане.

7 – Журнал одноимённой группы стихийного операизма, издававшийся в Кремоне в период с 1959–1962 гг., вышло одиннадцать номеров.

8 – Вестник борьбы и рабочей демократии, издавался в Генуе с июня по октябрь 1961 года, вышли три номера.

9 – Итальянский профсоюзный союз – был официально создан на конгрессе в Модене (23–25 ноября 1912 года), объединив многочисленные рабочие организации в Апулии (где началась деятельность Джузеппе Ди Витторни) и долине реки По (особенно в Парме), а также устойчивые ядра металлистов в Милане, в провинции Генуи (особенно в Сестри-Поненте) и в металлургической и судостроительной промышленности на тосканском побережье Тирренского моря (Ливорно и Пьямбино). Здесь сошлись как вышедшее из ИСП революционное синдикалистское течение во главе с Альцесте Де Амбрисом, так и анархо-синдикалистская составляющая, главным ориентиром которой был Армандо Борги, объединённые решительной оппозицией реформистской Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) Ринальдо Риголы.

10 – Всеобщая итальянская конфедерация труда.

Сточасовая война между Индией и Пакистаном

«Практика ядерного сдерживания основывается на вполне реальной возможности катастрофы», – пишет Анкит Панда, аналитик Фонда Карнеги и эксперт по вопросам ядерной политики. «Если в условиях кризиса нет риска, что ситуация выйдет из-под контроля и будет применено ядерное оружие, сдерживание просто не работает. Сам риск – ключевой элемент той выгоды, которую политики и принимающие решения лица часто связывают с обладанием ядерным арсеналом» (“The New Nuclear Age”, 2025). По мнению индийского военного аналитика, именно призрак возможного ядерного кризиса вокруг Кашмира сыграл решающую роль в том, что в противостоянии между Индией и Пакистаном, длившемся с 7 по 10 мая прошлого года, удалось остановить эскалацию «на третьем раунде» – прежде чем конфликт окончательно вышел из-под контроля.

Сточасовая война и кашмирский вопрос

Столкновение, получившее название “Сточасовая война”, произошло между двумя державами, обладающими сопоставимыми ядерными арсеналами – примерно по 160–170 боеголовок у каждой. Однако в экономическом, военном и демографическом отношении это противостояние между державой “среднего веса” – Пакистаном – и “тяжеловесом” Индией. Развести противников по углам, пусть и не без колебаний, удалось администрации Трампа. Без особой дипломатической деликатности, по крайней мере в отношении Дели, Вашингтон открыто предложил своё посредничество и услуги для урегулирования кашмирской проблемы.

По словам премьер-министра Нарендры Моди, военные действия Индии были ответом на «акт войны» – нападение, совершённое 22 апреля в контролируемом Индией Кашмире. Моди утверждает, что конфликт лишь «приостановлен» и отрицает, будто решение об остановке боевых действий было принято под давлением со стороны США, сопровождавшимся торговыми угрозами. Исламабад, напротив, приветствует вмешательство Вашингтона и заявляет, что, нанеся удары по индийской территории 9–10 мая, просто «восстановил сдерживание». Этот эпизод, с одной стороны, подтверждает, что, будучи неразрешённым с 1947 года, вопрос Кашмира зашёл в тупик, а с другой – демонстрирует провал, по крайней мере частичный, наступательной стратегии Дели.

Незавершённый раздел

По мнению Жана-Люка Расина, эксперта по Южной Азии из Французского центра научных исследований и автор работы “Cachemire” (2002), корни кашмирской проблемы уходят в «синдром Раздела» – кровавое рождение Индии и Пакистана – и свидетельствуют о «незавершённом» характере формирования двух национальных государств. Кашмир, входивший в состав Британского Раджа, был одним из более чем «пятисот княжеских государств», разбросанных по индийскому субконтиненту, которым в 1947 году предстояло выбрать, к какому из двух новых государств присоединиться. Расположенный на перекрёстке различных исторических влияний, регион пережил эпоху исламской монархии (XII–XV вв.), владычество империи Великих Моголов до 1751 года, затем афганскую династию Дуррани до 1820 года, а после – сикхскую династию Сингх-Догра, впоследствии принявшую индуизм и управлявшую краем с

разрешения британских властей. Осенью 1947 года про-пакистанские исламистские ополченцы оккупировали половину территории, после того как последний мараджа – Хари Сингх – согласился на вхождение Кашмира в состав Индийского Союза.

Индийская военная интервенция положила начало первой индо-пакистанской войне и привела к фактическому разделу региона по линии прекращения огня в 1949 году. Принятая ООН резолюция, предусматривавшая проведение референдума по вопросу территориального распределения, так и осталась невыполненной – хотя бы из-за претензий Индии выйти на границы времён Британской империи в Гималаях. В 1963 году, после поражения Дели в пограничном столкновении с Китаем осенью предыдущего года, Исламабад уступил Пекину незаселённую часть своей территории в Кашмире, сделав вопрос трёхсторонним. Летом 1965 года Исламабад вновь попытался силой аннексировать индийский Кашмир, но потерпел поражение: индийские войска вторглись на территорию Пакистана, подойдя вплотную к Лахору. Посредничество СССР в Ташкенте в 1966 году позволило восстановить статус-кво 1949 года. В 1971 году Индия нанесла Пакистану сокрушительное поражение, поддержав отделение Восточного Пакистана, ныне – Бангладеш. Однако, по мнению Кристофа Жаффрело, эксперта по субконтиненту, Индия не решилась на аннексию всего Кашмира – её сдержал «зарождающийся китайско-американский альянс». Пекин привёл в боевую готовность свои вооружённые силы, а Вашингтон направил авиацию и флот в Бенгальский залив. Хотя эти державы признали независимость Бангладеш, они не стали бы мириться с «экзистенциальной угрозой» для Исламабада и потенциальным распадом Западного Пакистана. Вероятно, такую позицию разделяла и Москва (С. Jaffrelot, “Le Pakistan”, 2000; S. Raghavan, “1971”, 2013).

Националистические нарративы

В 1972 году Индия и Пакистан подписали Симлское соглашение, официально закрепив раздел и обязавшись решать конфликт исключительно мирным путём и на двусторонней основе. Пакистанская сторона считает, что соглашение было навязано ей под давлением – Дели удерживал почти сто тысяч пакистанских военнопленных. Уже в 1974 году Индия провела своё первое ядерное испытание. Пакистан же смог создать собственную ядерную инфраструктуру лишь к 1986–1987 годам, и до испытаний 1998 года, как и Индия, предпочитал сохранять «скрытую боеготовность». Параллельно Исламабад активно развивал ракетный арсенал (F. Khan, “Eating Grass”, 2012; A. Small, “The China-Pakistan Axis”, 2015).

По мнению Расина, основой «тесного стратегического союза» между Пекином и Исламабадом являются соображения баланса сил и экономические интересы. Дели вынужден просчитывать риск «конфликта на два фронта» и опасается усиления китайского экономического влияния на всей территории Кашмира – через так называемые китайско-пакистанские «экономические коридоры». Для Исламабада идея национального единства неразрывно связана с про-пакистанским сепаратизмом в Кашмире: он служит подтверждением существования индийской и индуистской гегемонистской воли, направленной на подавление мусульманских общин на субконтиненте, и оправдывают доминирующее положение

армии в политической системе Пакистана. Идеология хиндутва – так называемая «индийскость», используемая БДП, – включает в себя концепцию Аханд Бхарат, или «неразделённую Индию». В этом свете индуистский национализм совпадает с цивилизацией хинду, культурно-историческое влияние которой простирается от Гималаев до Шри-Ланки. Но это также подразумевает негласное утверждение превосходства индуизма над другими религиями.

Пытка “тысячи порезов”

После начала афганского конфликта в 1979 году и обретения минимального ядерного потенциала в 1987-м, пакистанские вооружённые силы начали вести в Кашмире асимметричную войну. В индийских источниках эту стратегию называют «пыткой тысячи порезов». В 1989 году к ней добавился фактор массовых социальных протестов. По индийским оценкам, с 1990 года в этом конфликте низкой интенсивности, периодически переходившем в острые фазы (например, в 1999 году во время каргильского противостояния, унёсшего около 3000 жизней), общее число погибших составило порядка 80 тысяч человек.

С 2016 года, при премьер-министре Нарендре Моди, Дели реализует новую доктрину борьбы с пакистанской прокси-войной: нанесение целевых ударов силами спецназа и ракетными средствами по лагерям подготовки кашмирских сепаратистов, в том числе на территории Пакистана. В феврале 2019 года перестрелка между двумя странами обернулась ядерной тревогой: были приведены в боевую готовность индийские подлодки с баллистическими ракетами и активировано пакистанское ядерное командование. Решение Индии о лишении Кашмира автономии и передаче региона под прямое управление из Нью-Дели стало, с точки зрения Исламабада, откровенным вызовом. Пакистан опасается, что за этим последует попытка изменить демографическую структуру региона путём стимулирования индуистской иммиграции.

Восхождение “доблестного дракона”

По мнению ряда наблюдателей, отдав приказ об атаке 7 мая, индийские власти стремились продемонстрировать силу сразу на нескольких фронтах, задействовав новейшие французские истребители Rafale с ракетами SCALP, поступившие на вооружение ВВС Индии в 2020 году. Это стало символом военного усиления страны, чьи оборонные расходы составляют 75 миллиардов долларов США – второе место в Азии после Китая и шестое в мире.

Однако операция не оправдала ожиданий: согласно имеющимся данным, в воздушном бою, длившемся около часа, пакистанские ВВС сбили от трёх до пяти индийских самолётов, включая один Rafale. Важную роль сыграло появление в составе пакистанских ВВС китайского истребителя J-10, получившего прозвище «Доблестный дракон» и оснащённого ракетами класса “воздух–воздух” PL-15 с дальностью до 100 км. По оценкам наблюдателей, в своём первом боевом применении китайская техника успешно противостояла западной, восстановив баланс сил между Дели и Исламабадом. Индия была вынуждена нанести ответный удар: по позициям пакистанских радаров и авиабаз в районах Лахора, Равалпинди и Карачи были выпущены волны беспилотников израильского производства и ракеты BrahMos, совмест-

ной разработки с Москвой. В ответ, по информации издания *Nikkei*, Исламабад применил рой из 300–400 турецких беспилотников, а также нанёс ракетные удары по индийским военным базам, используя собственные носители национального производства.

Пределы могущества индийского слона

По мнению Раджи Мохана, хорошо информированного в делейских властных кругах аналитика, усилия Индии «выйти из угла», образованного пакистанским «ядерным оружием и терроризмом», начали приносить плоды: страна способна «наносить удары вглубь вражеской территории» и готова пересмотреть договор по Инду, регулирующий водные ресурсы между двумя странами, как инструмент экономического давления. Дели столкнулся с американской позицией, которая поначалу казалась нейтральной, учитывая участие США в «трёх войнах» – на Украине, в Газе и в тарифной войне. Однако по мере нарастания признаков эскалации, Вашингтон был вынужден вмешаться, что вызвало сильное раздражение в Дели. Посредничество подтвердило устойчивую взаимосвязь между Индией и Пакистаном – стратегический паритет, от которого Индия стремится освободиться. Теперь индийский слон вынужден признать, что не обладает «убедительным относительным военным превосходством», которого по-прежнему недостаточно, чтобы «навязать» свою волю Равалпинди – штаб-квартире пакистанского Генштаба.

По мнению П. Б. Мехты, редакционного советника *Indian Express*, идея «управляемой эскалации» – это «фантазия дилетанта-стратега», ведь в современной войне «редко какая сторона способна добиться решающего превосходства». Даже если Дели и «перешёл Рубикон», нанесённый удар по пакистанской военной инфраструктуре, это не помешало Исламабаду продемонстрировать как ракетный потенциал, так и возможности в «войне дронов». Вся конфронтация превратилась в «полигон для испытания новых технологий [...] между различными поставщиками вооружений», где обе стороны демонстрируют, что обладают «минимальными возможностями нести издержки без риска катастрофических последствий». Именно в этих пределах и сохраняется «хрупкий мир на субконтиненте». Кроме того, действия Дели не имели чётко обозначенной «политической цели», за исключением стремления сдерживать пакистанский терроризм. Но это ставит под сомнение историческое стремление Индии к «стратегической автономии»: страна демонстрирует, что не контролирует ситуацию в собственном регионе, и рискует тем, что другие державы воспользуются «открытой раной» Кашмира как «клином для того, чтобы держать Индию на месте». Исламабад же, в свою очередь, вынужден признать, что Дели, остановив эскалацию «поскольку ему есть что терять», по-прежнему сохраняет «потенциал для роста». Индия же продолжает «переоценивать своё значение в мире». Иными словами, от «формирующейся великой державой» до великой державы де-факто индийскому Слоно ещё предстоит пройти немалый путь.

Военная промышленность в США

Palantir и Anduril борются за контракты Пентагона

Конфликт на Украине привлек внимание к развитию систем противовоздушной обороны. Превосходство в воздухе, которым западная авиация пользовалась десятилетиями, теперь ставится под сомнение. В случае конфликта с Россией или Китаем, пишет *The Economist*, ссылаясь на анализ RUSI (Королевского объединённого института военных исследований), потребуются недели или даже месяцы, чтобы подавить их системы противовоздушной обороны.

В случае конфликта с Китаем атака стелс-истребителей F-35 может вывести из строя или ослепить радарные системы противника, создав временный коридор для бомбардировщиков (B-2 и B-21), способных нанести удар по командным центрам противника. Однако это «временное окно», как называет его командующий ВВС США, может длиться всего несколько дней или недель. Доклад Конгресса напоминает, что американские истребители F-22 Raptor при полной боевой нагрузке имеют радиус действия менее 90 км. В условиях боевых действий дозаправка в воздухе делает их чрезвычайно уязвимыми.

Этот стратегический контекст подталкивает Европу, Японию и США к разработке истребителей шестого поколения (6G). В США исследования в этой области ведутся уже десять лет, но только в 2020 году программа NGAD (*next generation air dominance*) обрела конкретные очертания как концепция, включающая два отдельных проекта, реализуемых Lockheed Martin и Boeing.

Характеристики NGAD

Новый истребитель, предназначенный для доминирования в небе будущего, должен обладать как минимум тремя ключевыми характеристиками. Во-первых, он должен быть крайне малозаметным, то есть невидимым для радаров; во-вторых, иметь новый двигатель; и, наконец, его должны сопровождать автономные беспилотники, известные как ССА (*collaborative combat aircraft*).

Двигатели истребителя должны быть *адаптивными* – способными без перебоев переключаться между режимом высокой тяги, необходимой для выполнения сложных боевых манёвров, и режимом повышенной экономичности, обеспечивающим снижение расхода топлива, увеличение грузоподъёмности и дальности полёта. Сейчас эти качества встречаются либо в военных, либо в гражданских двигателях, но по отдельности: последние имеют разные степени двухконтурности. Компании General Electric и Pratt & Whitney в настоящее время работают над двумя проектами адаптивных двигателей.

Беспилотники ССА также называют «верными спутниками» истребителя, однако их характеристики нельзя назвать примитивными. Они должны отличаться высокой скоростью, а значит, оснащаться реактивными двигателями, а также обладать большой дальностью полёта, боевыми возможностями, способностями к ведению электронной войны и уметь взаимодействовать с пилотируемым истребителем. Управление такими дронами должно осуществляться с помощью программного обеспечения на базе

искусственного интеллекта, защищенного от кибератак.

Согласно планам ВВС США, парк должен включать 500 истребителей шестого поколения и 1000 беспилотников. Каждый истребитель будет сопровождаться двумя ССА, которые будут выполнять как роль помощников, так и функцию живого щита при необходимости. Эта последняя концепция выглядит спорной, учитывая, что стоимость одного ССА может достигать 30 миллионов долларов (треть стоимости F-35). Однако, по мнению экспертов, в условиях Тихоокеанского театра военных действий альтернатив практически нет.

На исследования и разработку прототипов в период с 2025 по 2029 год ВВС планируют выделить компаниям-участникам 19,5 миллиардов долларов на истребители, 8,8 миллиардов на беспилотники и 7 миллиардов на двигатели, что в общей сложности составит 35,3 миллиарда долларов. Разработкой прототипов ССА с января занимаются General Atomics (проект «XQ-67A») и Anduril (проект «Fury»), в то время как предложения Northrop Grumman, Boeing и Lockheed Martin были отклонены.

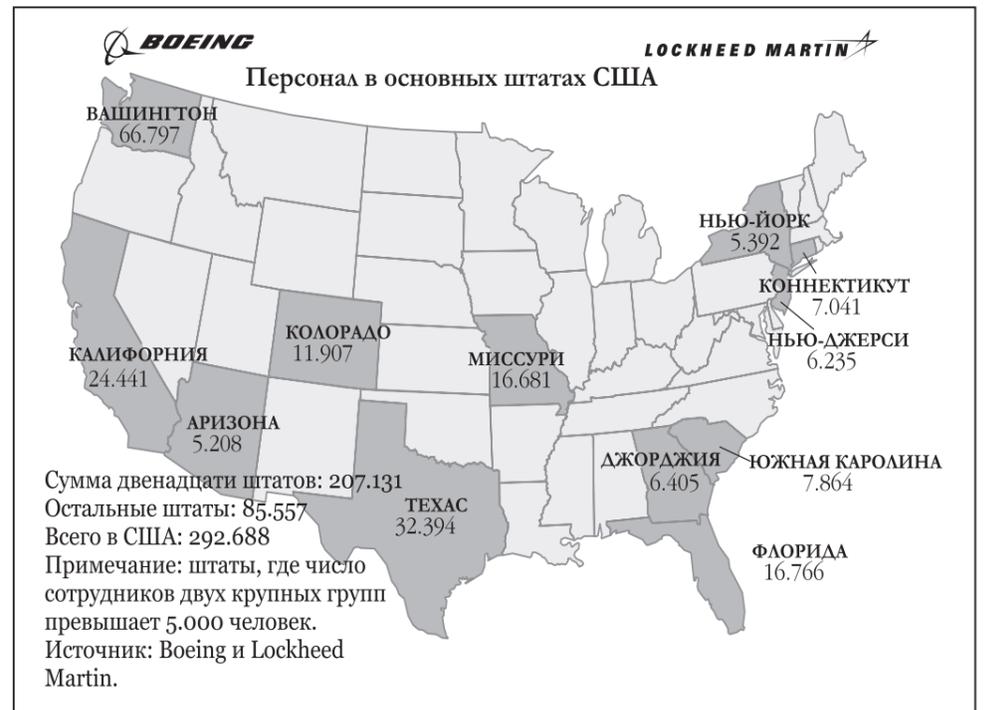
Новые игроки

По заявлению бывшего министра ВВС США Фрэнка Кендалла, стоимость каждого истребителя NGAD может достигать до 250–300 миллионов долларов. Поэтому он решил передать администрации Трампа право решать, продолжать ли проект, отменить его или изменить.

Заядлым противником пилотируемых истребителей является Илон Маск, который написал в X: «*Какие-то идиоты продолжают выпускать пилотируемые истребители вроде F-35 [...] устаревшие самолёты в эпоху беспилотников*». Многие эксперты считают, что идеи Маска заслуживают внимания, но скорее в долгосрочной перспективе. Пилоты на борту предоставляют командованию на земле оценки и рекомендации, они остаются костяком военно-воздушных сил. Однако высказывания Маска сигнализируют об усилении технологических групп, стремящихся занять свою нишу в оборонной индустрии.

«Palantir и Anduril – две из крупнейших компаний в области оборонных технологий – ведут переговоры с дюжиной других фирм о создании консорциума для получения государственных контрактов. Цель – разрушить текущую олигополию крупнейших поставщиков», – пишет *Financial Times* (23.12.2024).

Palantir была основана в 2003 году Питером Тилем – соучредителем PayPal вместе с Маском и сторонником Дональда Трампа ещё на выборах 2016 года. Компания занимается анализом больших данных, собирая огромные объёмы информации и извлекая из них полезные сведения для своих клиентов. Среди них – крупные компании и банки, но главным образом американские и британские службы безопасности, а также Пентагон. Название компании отсылает к «палантирам» – всевидящим камням из саги «Властелин колец», которые позволяют видеть события прошлого, настоящего и будущего. В прошлом году выручка Palantir составила 2,85 миллиарда долларов, а её рыночная капитализация за последние месяцы резко возросла, достигнув

260 миллиардов долларов – больше, чем у Lockheed Martin, Northrop Grumman и General Dynamics вместе взятых.

Пламя Запада

Компания Anduril, базирующаяся в Коста-Месе (Лос-Анджелес), была основана в 2017 году и стала вторым бизнес-проектом Палмера Лаки. В 2014 году, в возрасте 21 года, он разработал гарнитуру виртуальной реальности Oculus, которую продал Facebook за два миллиарда долларов. В 2016 году Лаки финансировал предвыборную кампанию Трампа, из-за чего был вынужден удалиться от Facebook и решил основать новую компанию, получив поддержку от Питера Тила. Название «Андурил» также происходит из трилогии «Властелин колец»: так назывался меч Арагорна, символизирующий «Пламя Запада».

Первым крупным контрактом Anduril стала поставка автономных наблюдательных вышек, предназначенных для слежения за перемещением людей и товаров на границе с Мексикой. На сегодняшний день установлено 300 вышек, которые, по данным компании, охватывают 30 % границы, «экономя тысячи часов патрулирования для пограничников».

В Anduril работает 2500 сотрудников, и компания строит новый завод в Огайо под названием Arsenal-1, на котором к 2026 году планируется задействовать около 4 тысяч человек для производства современных беспилотников, управляемых специальным программным обеспечением Lattice.

«На первой странице нашей публичной презентации, – рассказал Лаки в интервью *Los Angeles Times* (30.06.2024), – говорится, что Anduril стремится спасти западную цивилизацию, одновременно экономя сотни миллиардов долларов налогов для граждан и зарабатывая десятки миллионов долларов в год».

Миссия компании полностью соответствует идеям, продвигаемым администрацией Трампа и департаментом Маска. Необходимо де бюрократизировать, дерегулировать, разрушить старые монополии и предложить новые инновационные технологии, не забывая при этом, что эти технологии должны приносить прибыль, пусть на начальном этапе и не такую, которую по про-

шествию времени получают крупные оборонные концерны.

Лоббизм и Конгресс

Некоторые замечания, однако, необходимы. Первое: так называемые *инновационные* группы довольно быстро перенимают повадки старых структур. Так, калифорнийская Anduril выбрала Огайо в качестве места для строительства Arsenal-1, потому что штат предложил субсидии на сумму 70 миллионов долларов. Palantir тратит на лоббистскую деятельность 5,8 миллиона долларов в год – это половина того, что инвестирует Lockheed Martin, хотя оборот последней в 23 раза больше. Группа Тила удобно использует систему «вращающихся дверей»: значительное число чиновников из Вашингтона недавно перешли на работу в его компании, а сотрудники, аффилированные с этой группой, заняли ключевые посты в новой администрации. Это создаёт влияние, которое, по мнению *Financial Times*, явно способствует стремительному росту рыночной капитализации Palantir.

Второе замечание касается традиционных производителей американских истребителей. F-35 от Lockheed Martin планируется произвести в количестве 1001 единицы в ближайшие пять лет, тогда как Rafale от Dassault будет выпущен в количестве 151 штуки, а Eurofighter – 64-х. У F-35 уже есть двадцать заказчиков по всему миру, включая двадцать европейских стран, Южную Корею, Австралию и Японию – все они являются ближайшими союзниками США.

Кроме того, Boeing и Lockheed Martin обеспечивают занятость почти 300 тысяч человек по всей территории США, располагая исторически сложившейся сетью производственных мощностей в ключевых штатах. Сейчас активно обсуждается степень подконтрольности Конгресса решительным мерам исполнительной власти, проводимым администрацией Трампа. Однако трудно представить, что крупные военные программы страны просто исчезнут, а вместе с ними – тысячи высококвалифицированных рабочих мест, распределённых по различным избирательным округам.

Испытания маленьких войн

1 мая, в день интернационалистской борьбы, мы вышли на демонстрации против гонки вооружений и войн – продуктов противоречий, порождённых развитием капитализма. Те же корни и у другой войны, которая ежедневно уносит жизни: войны капитала против рабочих.

Война капитала

В Международный день охраны труда (28 апреля) Международная организация труда (МОТ) обнародовала данные за 2024 год: 2,78 миллиона погибших на рабочих местах в мире.

На этих страницах, в апреле 2022 года – в первые месяцы войны на Украине, – мы, опираясь на данные МОТ, писали, что «война капитала» уносит 2,3 миллиона жизней в год. Как и в годы пацифистских проповедей и несбывшихся перемирий, боевые потери не сократились, а число погибших на рабочих местах выросло на 20 %.

Это кровавая дань нашего класса мировому развитию капитализма, причём самые высокие показатели смертности приходится на новые регионы. Но каждая страна, независимо от уровня развития, ведёт свою трагическую статистику. Например, в Италии в 2024 году погибло 1090 человек – на 5 % больше, чем в 2023-м, а за первые три месяца 2025 года – 205, ещё на 8 % больше, чем за тот же период 2024 года.

Интересное наблюдение приводит немецкая *Die Zeit* (28 ноября 2024). Оно любопытно как раз по той причине, что описывает условия в стране, которая считается родиной социальной рыночной экономики и гордится системой коллективного участия в управлении. Но и там, как и везде в развитых странах, существует сегмент «отсталого» капитала. И расплачиваются за это в первую очередь рабочие-иностранцы.

Всемирный класс

Die Zeit пишет о строительстве – «самом опасном месте работы, особенно для мигрантов»: здесь в 2023 году почти каждый второй погибший был иностранцем, несмотря на то что мигранты составляют лишь четверть всех занятых в этом секторе. Очевидно, именно они выполняют самые рискованные работы. «Многие работают в мелких фирмах, выполняют неоплачиваемые сверхурочные, часто без средств индивидуальной защиты. У иностранных рабочих часто нет выбора: «Если хочешь работу, приходится соглашаться». И далее: «Работа без контракта, с поддельными документами или без страховки – в строительстве это обычное дело». Профсоюзный работник рассказывает: «Бывают случаи, когда пострадавших везут в больницу на такси, и те сами скрывают происшествие, чтобы не потерять работу или жильё». Подтверждение: если доля иностранцев среди погибших составляет 45 %, то среди всех травмированных – лишь 10 %, что говорит о том, что «мелкие инциденты не фиксируются».

Кажется, будто читаешь итальянскую газету. На самом деле так работают мил-

лионы мигрантов по всему миру – таков трагический признак всемирного рабочего класса.

Технология и прибыль

Поскольку несчастные случаи на работе – это ещё и издержки для самих предпринимателей, они заинтересованы в их сокращении. В ход идёт технологическое развитие – это другая сторона капитала, «передовая».

Этой теме МОТ посвятила свой последний доклад: «Революционизирование охраны труда и техники безопасности: искусственный интеллект и цифровизация в мире труда». Это обстоятельный анализ возможностей, которые научно-технический прогресс предоставляет человечеству, и тех противоречий, которые общество, основанное на прибыли, перекладывает на плечи трудящихся. Сам доклад сопоставляет улучшения в сфере безопасности с потенциальными рисками, связанными с этими же улучшениями. Рассмотрим их.

Автоматизация и передовая робототехника освобождают от тяжёлых, опасных и монотонных операций, но могут привести к исчезновению 75 миллионов рабочих мест. А в капиталистическом обществе, как мы знаем, переобучение никогда не является гарантированным. Более того, новые риски для безопасности включают «проблемы взаимодействия человека и робота [...] особенно в промышленных условиях». Это современная версия рабочего, «прикованного» к машине и раздавленного ею, о чём также напоминают случаи из хроники. И здесь логика прибыли прямо причастна к происходящему.

Цифровой мониторинг – ключевой инструмент для контроля рисков, например, в шахтах, на строительных площадках или в транспорте. Но он же становится инструментом «слежки за перемещениями и сбора данных» о работнике, которые остаются в руках предпринимателя и могут использоваться в его интересах.

Виртуальная реальность предлагает возможность обучения в контролируемой среде – с безопасным и реалистичным моделированием опасных ситуаций. Однако среди потенциальных рисков отмечаются повреждение зрения и «когнитивная перегрузка».

Алгоритмическое управление трудом – пресловутые алгоритмы, особенно распространённые в логистике, – безусловно, сокращает потери времени и ресурсов. Но оно воспроизводит на более высоком и обезличенном уровне роль контролёра «времени и методов» на старых фабриках. Работник вынужден ускоряться, работать дольше, что повышает – а не снижает – риск травм.

Близкие и далёкие

Удалённая работа, ставшая возможной благодаря цифровизации, всё же касается узкого круга работников – около 12 %. Очевидны её преимущества в смысле гибкости баланса работы и личной жизни, а также вовлечения людей,

«Сточасовая» война между Индией и Пакистаном вдоль исторического кашмирского разлома пополняет список войн кризиса мирового порядка. Нью-Дели получил шах, не оправдав собственных амбиций. Исламабад выдержал испытание, которое включало воздушные бои, ракеты и рои дронов. Главное же – Пакистан протестировал в реальных условиях китайские истребители и ракеты, получив поддержку от Пекина в виде спутниковой разведки. Был сбит как минимум один Rafale – истребитель производства французской Dassault, купленный Индией. Это первый случай, когда западный самолёт был сбит китайской ракетой. Фактическим победителем из конфликта вышел Китай. Неудивительно: страна, располагающая половиной всех промышленных роботов, третью мировой промышленной продукции, спутниковыми системами и собственной орбитальной станцией, рано или поздно превращает технологическое и индустриальное превосходство в военное. Оставалось только проверить это на практике. Тем более что себестоимость китайского вооружения оценивается в одну пятую – а то и одну десятую – от западной. Подобно ситуации в автомобильной промышленности и искусственном интеллекте, здесь тоже идёт война цен.

Искусственный интеллект дебютировал в боине, устроенной Израилем в Газе – наряду с древними тактиками вроде использования голода как оружия. ИИ увеличивает скорость выбора целей в сотни или тысячи раз; человеку остаётся лишь решать, какие сопутствующие потери – женщины, старики и дети – допустимы. По оценкам, число гражданских жертв варьируется от 10 до 100, в зависимости от значимости цели. Война на Украине не отстаёт по разнообразию средств массового убийства. К окопной войне, кровавому насосу 1914–1918 годов, добавились дроны. Мобилизованным теперь нужно следить не только за минами на земле, но и за небом; для военной промышленности это настоящая головоломка, но одновременно и золотая жила для новых игроков. Аппарат за несколько тысяч долларов может вывести из строя бронетехнику, а вот защита от него требует миллиардных инвестиций.

Что касается врага в собственном доме – европейского империализма, – то гонка вооружений сегодня находится в центре внимания. Лондон тайне уповает на *return* – обратный Брексит – делая ставку на военные планы ЕС. Европейский центральный банк хочет укрепить позиции евро, воспользовавшись слабостью доллара, но для этого нужна европейская армия. Денежное оружие тоже нужны сталь и порох: доверие к валюте обеспечивает грубая сила. Это новый старый мир, в котором царит высокотехнологичное варварство. Чтобы бороться и побеждать, его нужно понимать: выход – наука и борьба за коммунистический интернационализм.

которые иначе не смогли бы работать. Однако в плане безопасности это скорее шаг назад: домашняя среда менее безопасна и не приспособлена для трудовой деятельности. При этом растёт нагрузка: «увеличение объёма работы и её темпа», а также удлинение рабочего дня фиксируются всеми опросами. Как и «сокращение социального взаимодействия», вплоть до «подрыва продуктивности и креативности». Добавим, что это усложняет (хотя и не делает невозможной) профсоюзную организацию.

В заключении анализа упоминаются и те, кто работает у истоков и в конце цепочки производства этих «технологических чудес»: рабочие, часто дети, в сфере добычи критических минералов (кобальт, литий, медь), необходимых для развития и применения упомянутых технологий, а также работники неформального сектора, занятые переработкой электронных отходов. Они «часто

работают в опасных условиях» с серьёзными рисками для здоровья. Как правило, это происходит на периферии мира.

Классовая борьба без коротких путей

Таковы условия жизни класса, раздробленного по признакам национальности, уровня дохода, стиля жизни, но единого в своей подчинённости капиталу. Борьба за единство рабочих, за их безопасность, а иногда и за жизнь, требует организации, способной отстаивать их интересы.

Это долгая работа, требующая упорства и не терпящая коротких путей. Референдумы и другие межклассовые методы – лишь паллиативы. Пять «Да» в ответах на вопросы о труде и гражданстве не должны отвлекать от главного: день за днём выстраивать единство и классовую независимость рабочих.

Lotta comunista, май 2025 г.

“Border” и “fronteras” XXI века

Миграционные явления, разворачивающиеся на южной границе Соединённых Штатов, всё чаще требуют рассмотрения в контексте всего региона, с отказом от устаревшей оптики двусторонних американо-мексиканских отношений, которая преобладала до конца прошлого века. Теперь нужно вести речь о полноценной системе миграций, включающей все государства региона, каждое из которых – со своими особенностями – включается в этот крупный рынок рук и мозгов. Нет больше одной единственной “border”, а есть множество “fronteras” между многочисленными странами региона. Каждое государство само решает, кого задерживать, а кого пропускать в этих людских потоках – в соответствии со своими экономическими и политическими интересами.

Речь идёт о резервуаре размером более 300 млн человек, который за первые два десятилетия века увеличился почти на 70 млн. За ним лежат внутренние районы: северные государства Южной Америки (Колумбия, Венесуэла, а также Бразилия) и огромное пространство Соединённых Штатов.

Мексика и новые движущие силы миграции

Ключевой страной региона была и остаётся Мексика, на долю которой приходится почти половина его населения. Вот уже несколько десятилетий это не просто страна “брасерос”, ловящих удачу в Калифорнии. Существует несколько Мексик. Так, север страны – отчасти благодаря НАФТА и инвестициям (из США, Испании и других стран) – стал промышленно развитым регионом, оставив в прошлом фабрики “макиладорас” вблизи с границей Соединённых Штатов. Эта Мексика, несмотря на взлёты и падения экономического цикла, предлагает «квалифицированную рабочую силу, хорошее железнодорожное сообщение, развитую экспортно ориентированную промышленность и доступ к торговым привилегиям [...]». Индустриальные парки на севере страны переполнены, туда переехали некоторые международные компании» (*Financial Times*, 08.07.2022). Мексика, «долгое время бывшая страной эмиграции и транзита, теперь всё чаще становится страной назначения и принимающей стороной для просителей убежища», – пишет Migration Policy Institute. Последствия этого развития очевидны: скорость прироста населения снижается, и вот уже как минимум четыре года возрастная пирамида сужается у основания.

Другие страны региона оказались втянуты в процессы неравномерного развития и даже в серьёзные кризисы. Некоторые кризисы, как в Венесуэле, длятся годами. Эта страна, располагающая одними из крупнейших в мире запасов нефти, стала источником миллионов эмигрантов (только в Колумбию уехал миллион человек), вынужденных искать работу из-за глубокого экономического и политического кризисов. Или, например, Гаити, которая пережила в 2010 году катастрофическое землетрясение, стоившее стране 230 тысяч жизней и массовую эмиграцию – из-за неспособности и нежелания властей подготовиться к регулярно повторяющимся природным катаклизмам.

Именно здесь кроются новые движущие силы миграций, которые по-прежнему направляют мигрантов на рынок труда США как в главную точку притяжения, но также и в Мексику и другие страны.

При этом экономический и политический кризисы накладываются друг на друга.

Дарьенский пробел

Значительная часть миграционного потока проходит через естественную “воронку”, образуемую территорией Панамы. Для многих, кто движется на север, это первый сухопутный участок пути – часто после того, как им пришлось из стран Карибского бассейна (Куба, Гаити) сначала переправиться на юг, в Венесуэлу или даже Бразилию.

Дарьен – это тропический лес на юге Панамы, у границы с Колумбией. Даже Панамериканское шоссе здесь обрывается, не доходя до колумбийской стороны. Обойти его по морю дорого, а пересекать пешком – крайне тяжело: как говорится в докладе Международной организации по миграции, «если будешь двигаться медленно – умрёшь». Здесь сама природа позаботилась об ограничении миграции – на одном из самых труднопреодолимых барьеров этой запутанной и опасной миграционной системы. По оценкам, в 2021 году Дарьен перешли пешком 130 тысяч человек, – а ещё пятьсот погибли.

Безрезультатный саммит

Тема миграции на американском континенте вошла в повестку дня Саммита Америки 2022 года. Многие ожидали, что будет сделан шаг вперёд – в сторону создания свободного регионального рынка труда. Это должно было бы постепенно сгладить дисбаланс между последствиями неравномерного развития и вызванной им потребностью в рабочей силе, с одной стороны, и демографическими тенденциями в отдельных странах – с другой. НАФТА в этом отношении не сработало, и саммит, также, похоже, не принёс никаких результатов. *Washington Post*, которая выступает за региональный план по мигрантам, отмечает переход США от двустороннего к своеобразному многостороннему подходу в отношении стран региона и считает это прогрессом. Однако *Financial Times* называет саммит «малозначительным». *Los Angeles Times* обращает внимание на критическое замечание Ричарда Хааса из Совета по международным отношениям (CFR): «Там не было ни иммиграционной политики, ни инфраструктуры, ни крупных торговых предложений [...], похоже, есть много обещаний и мало результатов».

Конфликт интересов между различными странами вновь возобладал над потенциальным общим интересом. В результате перемещение рабочей силы, семей рабочих и их детей – столь необходимое для функционирования экономики главной империалистической державы мира, а также экономики средних и малых держав латиноамериканского региона – по-прежнему будет фильтроваться и сдерживаться ещё какое-то время: высокими стенами с колючей проволокой, широкими реками, джунглями, дубинками конных пограничников, “лагерьями задержания” и разлучением детей и родителей. И всё это по-прежнему будет сопровождаться трагедиями – смертями в пустынях, джунглях и на море.

“Иррациональность” и “массовое кладбище”

К ежедневному потоку жертв часто добавляются трагедии, подобные той, что произошла в конце июня 2022 года: 53 мужчин, женщин и детей погибли из-за нехватки воздуха и изнуряющей жары

От “jus soli” до “fence” с колючей проволокой

На южной границе США, растянувшейся на 2.000 миль (3.200 км) и отделяющей их от Мексики и Центральной Америки, существует резкое противоречие.

“Jus soli” – это термин, обозначающий принцип, согласно которому любой человек, родившийся на территории государства, автоматически получает его гражданство со всеми вытекающими правами и обязанностями, независимо от правового статуса родителей. Лишь около 30 из 200 стран мира признают этот принцип. В США он имеет прочные корни в истории и культуре, несмотря на внутреннюю оппозицию, возникавшую снова и снова, но каждый раз терпевшую поражение. Принцип закреплён 14-й поправкой к Конституции, принятой ещё в 1868 году. Это кажется своего рода “welcome” для тех, кто помогает заселять и укреплять страну, рождённую в результате иммиграции. Страну, которая за два с половиной столетия стала четвёртой по величине демографической державой мира после Китая, Индии и Евросоюза.

С другой стороны, “fence” – это барьер, проходящий вдоль значительной части американской границы и предназначенный для предотвращения въезда “нелегальных” иммигрантов – тех, кто пересекает её вопреки жёстким, сложным и противоречивым правилам, установленным США. Это полная противоположность “welcome”. Форма у него разная: местами он обвит колючей проволокой, а в самой последней своей части представляет собой злобный тёмный часток, возвышающийся на 30 футов (9 метров) над землёй, с бетонным основанием, уходящим вглубь ещё на 6 футов (1,8 метра). Забор состоит из балок толщиной в несколько десятков сантиметров каждая, сделанных из закалённой стали, чтобы их было трудно разрезать. Они установлены вертикально на небольшом расстоянии друг от друга – так, что сквозь них можно видеть. Начатый в 2007 году (при президенте-республиканце Буше), продолженный при демократе Обаме (два срока), а затем при республиканце Трампе, забор был почти достроен. Теперь его строительство, практически завершённое, остановлено президентом-демократом Байденом. Его стоимость составила около 20 млн долларов за милю. Сухопутная часть границы составляет 800 миль (1.300 км), а естественную преграду составляет река Рио-Гранде, длиной 1.200 миль (1.900 км). Кажется, природа и история будто бы респондировали американскому империализму несколько десятков миллиардов долларов.

в кузове грузовика, направлявшегося в Сан-Антонио по автомагистрали I-35. Среди них были уроженцы Мексики, Гватемалы, Гондураса, Сальвадора и других стран; двое имели высшее образование. Их целью был огромный рынок труда США, где остро не хватает как рабочих рук, так и специалистов, от “брасерос” до выпускников университетов. По количеству жертв эта трагедия стала крупнейшей. Как часто бывает, трагедии на время освещают часть правды. «Граница стала массовым кладбищем и свидетельством бесчеловечности и нерациональности пограничной и иммиграционной политики» (*Los Angeles Times*). «Трагедия в Сан-Антонио подогревает страхи перед грядущим опасным летом» (*Washington Post*). Американо-мексиканская граница – «одна из самых смертоносных наземных границ в мире» (*The Economist*).

Шестнадцать лет назад обсуждалась идея строительства стены на границе США и Мексики для контроля иммиграции; её действительно построили, и сегодня она тянется вдоль большей ча-

сти границы. Тогда мы писали в нашей газете: «Эта система должна продемонстрировать свою эффективность в районах, посещаемых “койотами” [торговцами людьми], которые за соответствующую плату перевозят нелегальных иммигрантов в Штаты, подвергая себя и их немалому риску, учитывая, что число погибших составляет 400 или 500 человек в год, то есть больше одного в день». В 2021 году погиб 651 человек.

В 2022 году *Washington Post* заявила: «Недостатком, который лежит в основе хаоса на границе, является отсутствие работоспособной правовой системы, которая систематически принимала бы иммигрантов в количестве, требуемом рынком труда США» (*Washington Post*, 29.06.2022).

Эта абсурдная ситуация продолжается десятилетиями и кажется неразрешимой. Одно можно сказать точно: всю её цену платит наш класс – от “брасерос” до выпускников университетов.

Иммиграция в США в XXI веке

Представление о США как о стране с устойчивой иммиграционной традицией, безусловно, верно, но требует уточнения. После того как в 1910 году доля «родившихся за границей» в общем населении достигла пика в 15 %, что обозначило завершение иммиграционного цикла XIX века (в США «родившийся за границей» используется в значении «иммигрант», независимо от имеющегося или приобретённого гражданства), – последовал непрерывный спад. Последствия первой мировой войны, кризиса 1929 года, а затем и второй мировой войны резко ограничили приток мигрантов, и, как следствие, снижали их долю, а затем и абсолютное число, вплоть до минимума в 4,7 % в 1970 году. За шестьдесят лет число родившихся за границей сократилось с 13,5 до 9,6 миллиона человек, в то время как общая численность населения удвоилась. В 1970-е годы начался новый рост иммиграции, вызванный потребностью в рабочей силе разного уровня, которую уже не могли удовлетворить уроженцы США – несмотря на активную внутреннюю миграцию. С тех пор число иммигрантов неуклонно росло, достигнув в 2019 году 45 миллионов человек (14 % населения): 23 миллиона женщин, 20 миллионов мужчин, 2 миллиона детей. Таким образом, по сравнению с 1970 годом численность иммигрантов увеличилась в пять раз, а их доля в населении – втрое, что позволяет говорить о «новой иммиграции».

Эта волна миграции кардинально отличается от прежних: постепенно сменялись страны происхождения, уровень образования, географическое распределение и по территории США, что стало адаптацией к меняющимся требованиям рынка труда. И должна была бы продолжать расти, учитывая вступление страны на путь демографического ослабления, если бы не была сдержана хаотичной природой капиталистического рынка, неспособного регулировать необходимые потоки рабочей силы.

Новая иммиграция

Несколько цифр из исследования Brookings позволяют наглядно пред-

Занятость в США по стране или региону происхождения

Родившиеся в	млн.	%
США	129,7	82,7
Мексика	7,1	4,5
Карибский бассейн и Центральная Америка	5,0	3,2
Южная Америка	2,1	1,3
Канада	0,4	0,3
Европа	2,6	1,7
Восточная и Юго-Восточная Азия (включая Китай, Корею, Японию)	5,0	3,2
Центральная и Южная Азия (включая Индию), Океания	2,6	1,7
Средний Восток и Северная Африка	1,0	0,6
Африка к югу от Сахары	1,3	0,8
всего за пределами США	27,1	17,3
общее количество занятых	156,8	100

Источник: Pew, 2018.

ставить особенности и основные тенденции новой иммиграции, которых, по сути, четыре.

Во-первых, происхождение. Если на рубеже веков половину иммигрантов составляли выходцы из Латинской Америки, то после 2010 года их доля сократилась до одной трети; число выходцев из Азии (в основном из Китая, Индии и Филиппин) увеличилось с менее чем трети до более чем 40 %.

Второй показатель – уровень образования среди иммигрантов старше 25 лет. До конца XX века выпускники университетов составляли чуть более четверти прибывающих мигрантов, что ниже, чем у коренных жителей; за первые два десятилетия XXI века эта доля выросла до 45 %, превысив уровень среди уроженцев США. Однако доля тех, кто не окончил даже среднюю школу, остаётся высокой, хотя и снижается: 20 % по сравнению с 9 % среди коренных жителей. Таким образом, наблюдается растущая поляризация по уровню образования среди новых мигрантов, что вполне соответствует логике капиталистического рынка, требующего как инженеров и квалифицированных специалистов, как правило, с высшим образованием, так и работников низко- и неквалифицированного и труда.

Третий аспект касается возраста. Атлас, подготовленный Институтом миграционной политики, весьма показателен, поскольку в нём опубликованы демографические пирамиды по странам происхождения (Мексика, Китай, Индия, Филиппины, Вьетнам и другие). Однако называть их пирамидами не совсем точно: они имеют ромбовидную форму, сужающуюся кверху и книзу, но широкую в средних возрастных группах. Это связано с тем, что новые иммигранты, как правило, намного моложе коренных жителей. При этом нижняя часть диаграмм сужена, поскольку дети мигрантов, родившиеся в США, автоматически получают гражданство по праву почвы (*ius soli*) и не учитываются в статистике. Тем не менее, младшие возрастные группы не исчезают: в страну продолжают прибывать многочисленные несовершеннолетние, часто классифицируемые как «дети без сопровождения», поскольку считается, что в одиночку или в группах им легче пробраться через стены и заграждения на границе. В конечном счёте, на рынок труда попадают мужчины и женщины преимущественно тех возрастных групп, которые необходимы рынку – можно сказать, готовые к использованию.

Наконец, распределение по территории. Уже некоторое время наблюдается тенденция к распылению: иммигранты всё реже концентрируются в четырёх южных приграничных штатах, граничащих с Мексикой. Это связано, в частности, с ростом доли азиатских мигрантов, у которых выше уровень образования и которые, как правило, предпочитают другие способы въезда, помимо пересечения сухопутной границы. Кроме небольшой и

«Коллизии» и дефицит полупроводников

Нехватка чипов на рынке хорошо известна; дефицит привёл к замедлению и даже остановке производства многих товаров, в которых используются эти компоненты. В США в полупроводниковой отрасли занято 112 тысяч рабочих, треть из которых – иммигранты. Среди инженеров-электронщиков иностранцы составляют половину, преимущественно это выходцы из Индии и Китая. Промышленная политика США предполагает расширение этой отрасли, которая сегодня приобретает ещё большее значение, особенно в Техасе и Аризоне, где она уже присутствует, а также в Огайо. Но найти подходящую рабочую силу очень сложно. Исследуются варианты переподготовки кадров из других секторов, создаются специальные иммиграционные каналы – но этого недостаточно для заявленной цели: удвоения производства, а значит, и числе рабочих мест. Брукингс недавно отметил, что «здесь беспартийное [то есть общее для демократов и республиканцев] к более конкурентоспособной полупроводниковой промышленности сталкивается с партийной [то есть различной для обеих сторон] политикой в отношении иммиграции» (июнь 2022 года). Какое противоречие может быть глубже, чем то, в котором сталкивается империалистическая держава, не способная проводить миграционную политику, соответствующую интересам своей промышленной буржуазии, потому что иммиграция – особенно квалифицированная, с дипломами и степенями – становится ареной политических баталий, в которых без стеснения разыгрываются расистские идеологии?

Это явление носит общий характер, хотя и проявляется по-разному. По данным Goldman Sachs, мы находимся в состоянии сильнейшего дисбаланса между спросом и предложением на рабочую силу со времён второй мировой войны. *Financial Times* отмечает, что рынок труда, «фаскалён до красна; [...] повсюду в США предприниматели почти в каждом секторе задают один и тот же вопрос: куда делась рабочая?» (26.05.2022). Средний уровень безработицы составляет 3,5 %, хотя есть различия между чернокожими (5,3 %), латиноамериканцами (3,6 %) и белыми (2,7 %). И это несмотря на то, что в прошлом году на работу вернулись 1,7 миллиона пенсионеров.

явно недостаточной легальной иммиграции, существует способ «*overstay*», то есть въезд по туристической визе (легально, даже на самолёте) и невозвращение в страну происхождения по истечению её срока действия. Однако по многим причинам этот путь практически закрыт для большинства латиноамериканцев.

Ключевые и «нерегулярные» отрасли

Исследование, проведённое несколько лет назад исследовательским центром Pew Research Center, показывает, куда идут работать иммигранты, родившиеся за границей – то есть, практически, мигранты в первом поколении. Если за базовый уровень взять их долю в среднем по стране – 18 %, то выше среднего она поднимается в таких отраслях, как сельское и лесное хозяйство (26 %), строительство (23 %), производство потребительских товаров (20 %) и транспорт (19 %). В секторах досуга, туризма и оптовой торговли доля иностранных работников примерно соответствует среднему. Чуть ниже – здравоохранение (14 %, но со значительной разницей между медсёстрами, врачами и другими специалистами) и государственное управление (9 %).

Этот схематический обзор не может быть завершён без упоминания о «нелегальных» мигрантах. Нелегальных – с точки зрения федерального законодательства, противоречивых законов отдельных штатов и судебной системы, но не с точки зрения экономики: от промышленности до сферы услуг, где они необходимы. Их численность оценивается примерно в 11 миллионов человек – это почти каждый четвёртый иностранный житель США, или 3 % на-

селения. Среди них 5,6 миллиона мексиканцев, ещё 1,8 миллиона выходцев из Сальвадора, Гондураса и Гватемалы, а также полмиллиона из Индии и 400 тысяч из Китая и Гонконга. Из них 6–7 миллионов человек участвуют в экономике как рабочая сила, составляя 5 % от общего числа трудящихся. Эта цифра указывает на их вес в механизме производства и потребления ведущей империалистической державы мира. Их жизнь далека от лёгкой, хотя некоторые штаты стараются облегчить её, учитывая значимость этих людей для экономики, в ожидании возможной амнистии, которая целиком зависит от политической воли.

Сложив все факты вместе, мы получаем общую картину состава 45,7 миллиона иммигрантов в США на сегодняшний день: 10,5 миллиона находятся в стране без законных оснований; 20,7 миллиона натурализованы и являются гражданами США; 14,5 миллионов являются легальными иммигрантами, но не гражданами.

Институт миграционной политики пишет: «В условиях снижения рождаемости и увеличения старения населения работники-иммигранты будут играть важнейшую роль в будущем рабочей силы США [...] политика отбора иммигрантов с навыками, необходимыми для заполнения рабочих мест будущего, будет иметь большое значение для экономической жизнеспособности страны» (октябрь 2020). Это суждение, однако, вступает в противоречие с повседневной реальностью США, где тема иммиграции используется во внутренней политической борьбе, что в итоге приводит к ужесточению въездных ограничений.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

Неразрешённый Итальянский кризис

В первом десятилетии века демографическая ситуация в Италии – второй промышленной державе Европы и седьмой-восьмой в мире – характеризовалась рядом тревожных тенденций: коэффициент рождаемости опустился значительно ниже уровня “воспроизводства”, число рождений падало, смертность превышала рождаемость и продолжала расти, что приводило к постоянной убыли населения.

Приведём несколько цифр за 2008 год: коэффициент рождаемости составлял 1,44 ребёнка на женщину – сильно ниже уровня в 2,1, необходимого для воспроизводства, – но всё же медленно рос после минимума 1,19 в 1995 году; ниже уровня воспроизводства он опустился за 31 год до того, в 1977 году, и с того момента больше к нему не возвращался; максимум в 1,45 был достигнут в 2009 и 2010 годы, во многом благодаря вкладу женщин-иммигранток; Затем началось новое падение, и сегодня показатель составляет 1,28.

Естественный прирост стал отрицательным в 1993 году и с тех пор остаётся таким – то есть, на 2008 год естественная убыль продолжалась уже пятнадцать лет подряд. То, что в те годы численность населения всё же увеличивалась, было исключительно заслугой мощных миграционных волн – особенно в первом десятилетии века, – которые компенсировали естественную убыль и принесли в страну многочисленные свежие силы, многие из которых находились в трудоспособном возрасте и могли сразу включиться в экономику. Однако в 2015 году этот механизм дал сбой, и с того момента началось сокращение населения.

Отсутствие видения

Таким образом, уже давно существовали все основания бить тревогу о будущем – предпосылки не оставляли места для сомнений. Однако тогдашние правительства вслед за своими предшественниками не обращали на это внимания: всё более серьёзная естественная убыль и всё более низкий коэффициент рождаемости их особенно не волновали. В отличие от многих других европейских стран, вопрос демографической политики даже не обсуждался.

В 2008 году на прилавках книжных магазинов появилась новинка – “Революция в колыбели. Упадок, которого нет” за авторством Франческо Биллари и Джанпьеро Далла Дзуанна, преподавателей демографии в Университетах Боккони и Падуи. В книге утверждалось: «Сегодня в Италии не существует настоящей демографической проблемы [...] родилась и сегодня растёт в колыбели самая настоящая демографическая революция [...] численность населения Италии будет расти». Другие демографы – такие как Антонио Голини из католических кругов и Массимо Ливи Баччи из светской среды – задолго до этого предупреждали: «В Италии есть настоящая демографическая проблема».

Что посеешь, то и пожнёшь

Всего несколько лет назад продолжающийся спад рождаемости и неизбежное сокращение населения – больше не компенсируемое иммиграцией – наконец начали обращать на себя внимание. В январе 2022 года был принят “Family Act”, который на основе опыта других стран (Франции, Германии) вводил меры поддержки семей с детьми, в том числе

“универсальное пособие”, независимое от уровня доходов. Само собой, пока рано судить о результатах; однако уже сейчас можно отметить: объём этой поддержки в Италии составляет примерно четверть от аналогичных немецких мер. Речь идёт о рождаемости и возможном её росте, на который нацелена подобная пронаталистская политика.

Но сегодня перед производственной системой итальянского империализма стоит совсем другая, более острая проблема: год за годом происходит медленное истощение резервов трудоспособного населения – того самого источника, из которого всегда черпается рабочая сила для промышленности и сферы услуг. Ни одна, даже самая успешная пронаталистская инициатива, начатая сегодня, не в состоянии решить эту проблему. Плоды её, в лучшем случае, можно будет пожинать только через одно поколение – то есть лет через двадцать и более.

Лишь недавно обсуждение сдвинулось в сторону более насущного вопроса: что делать уже сейчас, чтобы справиться с ситуацией. Не ограничиваться только мерами на будущее, стимулирующими рождаемость, но и заняться вопросом активного населения сегодня. Послушаем наиболее авторитетные мнения.

Председатель Банка Италии в итоговом заявлении от 31 мая заявил, что демографические перспективы «предполагают тенденцию к сокращению рабочей силы, которую только отчасти можно будет компенсировать ростом миграционного сальдо и увеличением участия на рынке труда». Газета *Il Sole-24 Ore*, рупор Итальянской конфедерации промышленности, неоднократно поднимала тему дефицита рабочей силы, который проявляется во многих секторах и регионах и увеличится в будущем. 18 июля в статье на целую полосу она предупреждала: «В 2030 году в Италии будет на 1,9 миллиона потенциальных работников меньше».

Газета *Avvenire* пишет, что сегодня «не хватает не столько потребителей [...] сколько именно рабочих, которые больше не откликаются на призыв». По мнению органа Итальянской епископальной конференции, единственный положительный аспект заключается в том, что сегодня, в отличие от ситуации десять лет назад, о демографическом кризисе говорят не одни только “специалисты” – католики и «некоторые просвещённые миряне», – а тема в целом стала актуальной. Однако нужно смотреть не на ситуацию десятилетней давности, а значительно глубже – по меньшей мере на тридцать лет назад, когда в Италии смертность превысила рождаемость.

Мы могли бы продолжать долго: сегодня статьи на эту тему выходят всё чаще, и в них звучит всё более резкая лексика. Это касается даже таких технических учреждений, как ISTAT, который в недавнем докладе пишет: «Новые прогнозы относительно демографического будущего страны [...] подтверждают опасность кризиса» (сентябрь 2022 года).

Подытожим словами президента ISTAT, демографа Джан Карло Бланджардо. В августе прошлого года он отметил: «большая страна должна обладать многочисленным населением», – но тут же был вынужден признать, что население Италии на 1 июня 2022 года сократилось до 58,8 миллиона жителей, что на 1,3 миллиона меньше, чем в 2014 году,

Население на 1 января по возрастам (от 0 до 90 лет) в 2021 году и прогноз на 2030 год (ISTAT, сентябрь 2022 года).

Очевидна пропасть, образуемая уже сегодня в центральных возрастных группах трудоспособного населения. К примеру, группа 21–65-летних потеряет с 2021 по 2030 год порядка 1,68 миллиона человек, продолжая негативный тренд последних лет. В расчётах ISTAT учтён прогноз чистой иммиграции (разница между прибывшими и уехавшими) на уровне 150 тысяч человек в год. Эта оценка должна пройти проверку фактами: если чистая иммиграция будет более низкой, скажем, 100 тысяч в год, поскольку иммигранты в большинстве своём относятся к группе людей трудоспособного возраста, “дыра” будет более глубокой – порядка 2 миллионов. ISTAT ожидает рост коэффициента рождаемости с 1,25 (2021) до 1,55 (2030) ребёнка на женщину. Но и этот показатель пока не подтверждён: на конец 2022 года соответствующих данных не было. Наконец, прогнозируется стабилизация числа рождений на отметке несколько выше 400 тысяч в год. В 2021 году родилось 400.249 детей, а в 2022 году президент ISTAT прогнозировал 385.000 рождений.

Эти два параметра (коэффициент рождаемости и число рождений) в совокупности продолжительное время числом женщин детородного возраста – окажут влияние на численность трудоспособного населения. Будет ли этот эффект положительным или отрицательным, можно будет судить только лет через двадцать. Однако стоит напомнить, что рост коэффициента рождаемости может быть сведён на нет, если продолжится тенденция к сокращению числа женщин детородного возраста. Затем, существует проблема превращения населения трудоспособного возраста в экономически активное население. Но это уже другая сторона сложной проблемы.

и согласно прогнозу, сократится ещё на 1,2 миллиона в ближайшие десять лет.

Что делать сегодня?

Если обратиться к примеру стран с сильно развитой промышленностью и численностью населения, сопоставимой с Италией – то есть точно также подверженным закону народонаселения империалистической зрелости, – можно получить представление о возможных стратегиях, которые открываются перед итальянским империализмом. Франция начала решать проблему почти сто лет назад – особенно в том, что касается рождаемости, – и сегодня имеет некоторое преимущество: ухудшение демографического баланса там началось с задержкой в несколько десятилетий, к тому же страна всегда опиралась на устойчивый поток иммиграции. Япония, имеющая крайне низкие демографические показатели, как и Италия, действует медленно, но, похоже, эффективно: увеличивает занятость среди женщин, отодвигает возраст выхода на пенсию и осторожно приоткрывает двери для иммигрантов.

Германия – один из самых привлекательных пунктов назначения постоянной и регулярной иммиграции – действует по многим направлениям, с мощными и дорогостоящими мерами, начатыми

более десяти лет назад. Лозунг “делай как Германия” слышно теперь всё чаще, особенно от представителя Конфедерации. По мнению её бывшего директора Инноченцо Чиполлетты, стимулировать рождаемость, конечно, нужно, но в краткосрочной перспективе это не даст ощутимых результатов: необходимо изменять уровень занятости трудоспособного населения – женщин, пожилых, ещё способных к труду, – и одновременно облегчать иммиграцию и способствовать интеграции приезжих. По мнению Бланджардо, необходимо утроить чистую иммиграцию со 130 до 370 тысяч человек в год. Вопрос, однако, в том, сможет ли Италия заполучить в три раза больше мигрантов в условиях европейского рынка труда, где за работников открыто конкурируют другие страны с аналогичной потребностью. Лаура Дзанфрини (ISMU) пишет в *Il Sole-24 Ore*, что в Италии будет сильный спрос на руки и мозги и сильные трения на рынке труда, следовательно, потребуются «просвещённая» миграционная политика.

Это “широкая программа”, даже чересчур – поскольку связана ограничениями хронического итальянского нарушения равновесия.

В Китае начинается зима

В опубликованном 17 января 2023 года пресс-релизе Национального бюро статистики Китая (НБС) говорилось, что «общая численность населения сократилась». На тридцати строках без каких-либо комментариев были приведены ключевые данные: по состоянию на 31 декабря 2022 года численность населения сократилась до 1411,75 млн человек, то есть стала на 0,85 млн человек меньше, чем годом ранее, что является результатом 9,56 млн рождений и 10,41 млн смертей в 2022 году. Подразумевается, что сальдо миграции равно нулю.

Эта новость быстро распространилась по всему миру и вскоре была прокомментирована газетами, журналами и аналитическими центрами. В нашей подборке мы собрали самые значимые из них.

Уже на следующий день директор НБС Кан И выступил со статьёй в *China Daily*. Китайские англоязычные газеты также опубликовали множество других комментариев с различными нюансами и оценками от китайских академий и мозговых центров, что свидетельствует о наличии настоящего плюрализма, скрывающегося за монолитным фасадом.

По мнению Кана, причинами демографического спада в Китае являются снижение рождаемости, поздние браки, откладывание рождения первого ребёнка и уменьшение количества женщин детородного возраста. Это естественные результаты экономического развития, которые переживают многие другие страны. Снижение продолжится, но Кан призывает не преувеличивать его. «Ключом к демографическому вопросу является соответствие численности и структуры населения промышленной системе», – сказал он. «Сейчас у нас предложение рабочей силы по-прежнему превышает спрос» (18 января). Таким образом, первый официальный комментарий сосредоточен на китайской промышленной системе, и это заверение в том, что «мировая фабрика» не столкнётся с нехваткой рабочей силы на фоне начавшегося демографического спада.

Неумолимый закон народонаселения империалистической зрелости теперь догнал и Китай, который всего 10 лет назад опередил Японию и стал второй экономикой мира, оставаясь при этом крупнейшей демографической державой с древнейших времён. По данным официальных китайских источников, этот момент ожидается на несколько лет позже. Однако было много прогнозов, которые предсказывали, что это произойдёт между 2022 и 2023 годами. «Демографический обгон» Индией неизбежен, – а, возможно, уже произошёл.

Дискуссия набирает обороты. Китай вступает в фазу, когда численность населения будет колебаться вокруг некой стабильной отметки, прежде чем мощные силы неизбежно

В китайской прессе

Информационное агентство «Синьхуа» сообщает мнения нескольких экспертов, в том числе следующее: «Для страны с населением 1,4 млрд человек отрицательный прирост следует анализировать объективно, к нему нужно адаптироваться и эффективно на него реагировать». В *Global Times* Юань Спинь (Нанькайский университет) отмечает: данные не стали неожиданностью и соответствуют закономерностям демографической динамики. Численность населения по-прежнему колеблется в районе 1,4 млрд человек и останется на этом уровне вплоть до 2035 года, а к 2050 году снизится до 1,3 млрд. Цай Фан, бывший заместитель директора Академии общественных наук КНР (CASS), говорит, что численность населения достигла пика раньше, чем ожидалось, поэтому с 2023 года она может снизиться.

В газете *China Daily* Чжан Сюин, заместитель генерального директора Центра исследований народонаселения и развития Китая, отмечает, что в Японии и 19 европейских странах также происходит сокращение численности населения, и, несмотря на попытки восстановить рождаемость до 2,1 ребенка на женщину, оно будет продолжаться. Тем не менее, население в этих странах значительное, и демографическое преимущество заметно. Лу Цзехуа, профессор демографии Пекинского университета, бьёт тревогу по поводу социально-экономического развития страны: рабочая сила сократилась на 10 % за десять лет, переломить тенденцию очень сложно, спад станет нормой, и Китаю придётся адаптировать свою модель общества. Ли Цзя, заместитель руководителя Центра исследований старения в Пекине, считает, что не стоит впадать в излишний пессимизм – нет уверенности, что сокращение будет длительным, возможен новый рост рождаемости. В других комментариях отмечается, что снижение рождаемости является серьёзной проблемой и что необходимо восстановить культуру, способствующую рождаемости. Комментарии Юань Синя указывают на то, каков «демографический климат» в Китае: «Многие молодые люди не желают вступать в брак и предпочитают оставаться одинокими или не иметь детей. Их взгляды на брак и деторождение сильно изменились по сравнению со взглядами предыдущих поколений».

В редакционной статье *South China Morning Post* (Гонконг) читаем: «Демографический кризис, возможно, является самым большим кризисом, с которым Китай сталкивается сейчас. [...] Никто не может утверждать, что сокращение населения означает конец китайского чуда. Но это требует корректировки экономической политики». В этой статье отмечается, что пронаталистская политика в национальном масштабе (разрешение на второго, а затем и третьего ребёнка) и местные инициативы (льготы и поощрения в некоторых крупных городах) не сработали, и что в этом году Индия обгонит Китай.

В азиатской прессе

На первой полосе индийской экономической газеты *Business Standard* заголовок гласит: «Численность населения Китая снижается». В статье говорится о «кризисе» и «демографическом тупике», а также приводятся прогнозы: к 2050 году население Китая составит 1,317 млрд человек, тогда как в Индии – 1,668 млрд. Подчёркивается, что менее чем через 30 лет население Индии будет на четверть больше китайского.

Asian Age из Нью-Дели утверждает, что это результат политики «одна семья – один ребёнок», несмотря на то, что от неё отказались в 2016 году. *Deccan Chronicle* из Хайдарабада комментирует циркулирующие в Индии новости о «демографическом обгоне» Китая: «В средствах массовой информации наблюдается некоторое оживление по поводу того факта, что население Индии только что ненамного превысило население Китая [...]»; «мы добились большего», потому что обгон произошёл раньше, чем ожидалось, и это подтверждает расхожую фразу о том, что Китай «состарится прежде, чем станет богатым».

Токийская «Ёмиури симбу» пишет, что ситуация в Китае может подорвать политику «сильной страны» Си Цзиньпина, целью которой является конкуренция с США, и отмечает как уже существующее, так и ожидаемое в будущем давление на государственные финансы из-за расходов на социальное обеспечение, которые увеличились в 2,7 раза за десять лет из-за старения населения. Эти изменения могут сказаться и на Японии как крупнейшем торговом партнёре Китая.

Сингапурская *Straits Times* публикует статью Берта Хофмана из Национального университета Сингапура. «Грозит ли Китаю демографический кризис?», нет, «не так быстро». Рабочая сила в стране сокращается уже десять лет, но демографическое давление можно смягчить, повысив пенсионный возраст (сейчас он составляет 55 и 60 лет); если бы уровень занятости был равен японскому, в 2035 году было бы на 40 млн рабочих мест больше, что эквивалентно населению всей Германии. Инвестиции в образование уже дают плоды: всё больше работников имеют за плечами 12 лет школьного обучения. В заключение он отмечает, что важнее реформировать рынок труда, делая его более производительным, а не пытаться развернуть демографические тренды с помощью пронаталистской политики. «Эти реформы становятся неотложными».

В прессе Соединённых Штатов

New York Times также вышла с заголовком «Демографический кризис» и утверждает, что это будет иметь последствия не только для Китая,

рано или поздно приведут к его решительному сокращению. Таким образом, азиатский гигант идёт по пути, уже пройденному Японией, Южной Кореей и многими европейскими странами. Это

но и для всего мира. В Китае, как и в других развитых странах, всё более утверждается модель жизни «два дохода – ни одного ребёнка». *Wall Street Journal* называет происходящее переломным моментом в истории Китая и рассматривает его возможные последствия: нехватку рабочей силы, старение населения и влияние на потребление, а также на покупку и продажу жилья.

Washington Post пишет, что существует риск экономического застоя по образцу Японии 1990-х годов: Китай, возможно, не сможет стать мировым лидером. Издание подчёркивает значимость иммиграции, сравнивая американские показатели с гораздо более низкими в Японии и практически нулевыми – в Китае на сегодняшний день. *PRB News* из одноимённого вашингтонского демографического аналитического центра прямо говорит: в Китае «меньше людей рождается, пожилые люди начинают умирать, и никто не приходит им на замену» (то есть, отсутствует миграционный приток, способный компенсировать демографический спад).

В европейской прессе

Financial Times вышла с передовицей под заголовком: «Поворотный момент для мировой экономики». В ней утверждается, что причина кроется в политике «одна семья – один ребёнок», и подчёркиваются экономические проблемы, с которыми предстоит столкнуться не только Пекину, но и всему миру – включая неспособность систем социального обеспечения и здравоохранения справиться со стареющим населением.

The Economist и *Economist Intelligence Unit* подробно анализируют этот вопрос. Они отмечают, что снижение рождаемости в основном касается первенцев, и это тревожный факт. Согласно сравнительным графикам, охватывающим 50 лет и включающим Китай, Индию, Индонезию и США, видно, что падение рождаемости в Китае началось задолго до введения антинаталистской политики одного ребёнка. Другие диаграммы, сравнивающие возрастные пирамиды Китая и Индии, иллюстрируют колоссальную демографическую разницу: Индия – молодая страна, а Китай – уже старая. «Конец эпохи, когда Китай был самой населённой страной мира, [...] не понравится китайским националистам».

Немецкая *Handelsblatt* указывает на проблему нехватки рабочей силы: «Двигатель глобального экономического роста в последние годы, возможно, начинает давать сбои».

Le Monde называет происходящее «историческим переворотом» и пишет о растерянности китайских властей. Далее следует интервью с Изабель Аттане, китаеведом и демографом INED: Китай следует той же тенденции, что и Южная Корея, у которой не было политики «одна семья – один ребёнок», и Япония; вероятно, в ближайшие годы по этому же пути пойдёт и Вьетнам; Китаю придётся приспособиться к меньшему количеству рабочей силы и меньшему внутреннему потреблению; и что Китаю нужно, так это иммиграция. Они действительно пытаются вернуть своих иностранных студентов, но, если Китай хочет компенсировать недостающие 200 миллионов человек через 30 лет, ему пришлось бы завести всё трудоспособное население Индонезии и Вьетнама.

Le Figaro пишет о «мрачных» перспективах Китая, о подорванной уверенности в том, что он превзойдёт США в экономическом отношении, а также об ухудшении глобального восприятия Китая как региона для выгодных иностранных инвестиций.

В *La Repubblica* Марта Дассу, бывший замминистра иностранных дел Италии и директор Aspenia, на вопрос, заинтересована ли Италия в китайском демографическом кризисе, отвечает утвердительно, «потому что он окажет важное влияние на перспективы роста одной из ведущих экономик мира». Новость о демографическом спаде Китая приветствуется теми, кто, как, например, США, стремится сдержать китайский рост, но в меньшей степени теми, кто «имеет частично меркантилистское видение», то есть азиатскими экономиком и Европой, в частности Германией.

Китайский ответ на западные комментарии

На комментарии западной прессы ответила *Global Times*: «Западные СМИ моментально принялись с воодушевлением заявлять о тяжелейших последствиях для формирующейся экономической и политической державы [Китая]. Смешно, как быстро они сочинили нарратив о том, что китайский упадок якобы неспорим и необратим. [...] Но демография – это не судьба». Издание продолжает: появились комментарии с такими словами, как «коллапс», «демографический кризис», «стагнация» и т. д., но Китай далёк от паники. Любопытно, что подобные выражения не применялись к Японии или европейским странам, переживавшим схожие процессы. На самом деле, уверяет *Global Times*, сокращение численности населения будет незначительным, а демографический потенциал Китая остаётся огромным и недооценённым; произошли большие успехи в образовании, а демографическое преимущество Китая смещается из количественного в качественное, и в будущем не будет трудоёмких промышленных сборочных линий. Кроме того, существует ещё огромный резерв сельской рабочей силы, которую можно задействовать в городских фабриках. Молодёжи в стране хватает: уровень безработицы среди неё составляет 17 %, и ежегодно на рынок труда выходят 10 миллионов новых выпускников – как вузов, так и средних учебных заведений.

не уникальный случай, а закономерность, которая теперь добралась и до Китая. Однако континентальный масштаб Поднебесной делает это беспрецедентным демографическим событием в

период эпохальных перемен и, следовательно, политическим вопросом мирового значения.